

100 миллионов
читателей

●

За пределами просветления

OSHO

ОШО

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

За пределами просветления

ИГ "Весь"

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

За пределами просветления / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

Этот сборник состоит из ответов Ошо на вопросы слушателей. О любви и преданности, о поиске истины и смысле жизни, о смерти и просветлении, о том, что ждет человека за пределами просветления, — эти, а также множество других тем поднимаются в беседах мастера с аудиторией со всего света. «Жизнь, если она является процессом постоянного изучения, исследования, — это прекрасное путешествие. Тогда каждое мгновение становится захватывающим, потому что каждое мгновение вы открываете новую дверь, каждое мгновение вы сталкиваетесь с новой тайной».

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.

© ИГ "Весь"

Содержание

Глава 1. За пределами просветления – только запредельность	6
Глава 2. Невинность – это и есть свет	19
Глава 3. Нет другого пути, кроме жизни	31
Глава 4. В конце нет никаких слов	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)

За пределами просветления

Является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation; www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

* * *

Глава 1. За пределами просветления – только запредельность

Первый вопрос:

Ошо,

Что находится за пределами просветления?

За пределами просветления есть только запредельность. Просветление – это последнее прибежище. За его пределами исчезают все границы, исчезают все переживания. В просветлении переживание приходит к своему пределу, это высшая точка всего прекрасного, всего бессмертного, всего блаженного – но это всего лишь переживание. По ту сторону просветления больше нет переживания, потому что сам переживающий исчезает. Просветление – это не только пик переживания, но также и наивысшая степень ясности вашего существа. За его пределами есть только ничто; вы больше никогда не вернетесь к той точке, которую должны превзойти.

Переживание, переживающий, просветление – все осталось позади. Вы – только часть потрясающего *ничто*, которое бесконечно. Это *ничто*, из которого рождается все существование, это лоно, и это *ничто*, в котором все исчезает.

Нечто похожее происходит и в науке; в ней обязательно должно быть нечто похожее. Духовное переживание принадлежит внутреннему миру, а наука – это исследование мира внешнего. Но оба вида переживания – это два крыла одного существования: внутреннее и внешнее; они всегда имеют точки соприкосновения.

В этом столетии ученые пришли к странному заключению, что некоторые звезды внезапно исчезают... а ведь звезды – это отнюдь не мелочь, они совсем не так малы, как нам кажется. Они кажутся нам маленькими, потому что они находятся очень далеко, на расстоянии миллионов световых лет, но они огромны.

Наше Солнце – это звезда, но звезда средней величины. По сравнению с Землей оно громадно, но по сравнению с другими звездами – это звезда среднего размера. Есть звезды, которые в тысячи раз больше Солнца.

В этом столетии у нас впервые появились приборы, и ученые были очень сильно озадачены: внезапно какая-нибудь звезда исчезает, не оставляя после себя даже следа. Такая огромная звезда, и никаких следов – куда она делась? Она просто перешла в *ничто*. И такое происходит постоянно.

Понадобилось почти двадцать лет, чтобы осознать новое явление: во Вселенной существуют «черные дыры». Вы их не видите, но они обладают огромной поглощающей силой. Даже большая звезда будет втянута в черную дыру, если окажется в пределах ее притяжения. И как только звезда втягивается в черную дыру, она исчезает. Это абсолютная смерть. Мы видим только следствие, мы не можем видеть черную дыру; мы только видим, что одна звезда исчезает.

После того как теория черных дыр была почти доказана, ученые стали задумываться над тем, что должно быть нечто вроде «белой дыры» – просто обязано быть. Если возможно, что под воздействием некой гравитации, магнитной силы, огромная звезда просто исчезает и перестает существовать... Мы знали, что каждый день рождаются звезды. Откуда они берутся? Никто не задавался этим вопросом раньше.

Мы всегда принимаем рождение как данность; никто не спрашивает, откуда появляются дети.

Смерть же мы никогда не принимаем, потому что мы так сильно боимся ее.

За всю историю человечества ни одна философия не задавалась вопросом, откуда появляются дети, но есть философии, которые размышляют над тем, что такое смерть, куда продолжают исчезать люди, что случается после смерти.

За свою жизнь я встретил миллионы людей, и ни один человек не спросил, что происходит до рождения, – и тысячи спрашивали, что происходит после смерти. Я все время думал, почему рождение принимается без вопросов? Почему смерть не принимается точно так же?

Уже сотни лет, почти три столетия, мы знаем, что звезды рождаются каждый день – большие звезды, гигантские звезды, – и никто не спросил: «Откуда эти звезды берутся?» Но когда мы узнали о черных дырах и увидели, что звезды исчезают, тогда второй вопрос стал почти абсолютной необходимостью. Если черные дыры могут втягивать звезды в ничто, то должно быть нечто вроде «белых дыр», где вещи... звезды появляются из *ничто*.

Это мне напомнило...

Мулла Насреддин решил наняться на корабль. Его пригласили для собеседования. В комнате сидели капитан и старшие офицеры корабля. Вошел Мулла. Капитан спросил:

– Если на море шторм, сильный ветер, огромные волны высотой с гору, что ты будешь делать, чтобы спасти корабль? Корабль бросает из стороны в сторону...

Мулла Насреддин ответил:

– Тут нет большой проблемы: я просто брошу большой якорь, чтобы корабль, несмотря на ветер и волны, смог сохранить устойчивость.

Капитан снова спросил:

– Предположим, что надвигается еще более огромная волна и грозит затопить корабль. Что ты будешь делать?

Насреддин ответил:

– Ничего, снова – *большой* якорь.

Капитан посмотрел на него и спросил в третий раз:

– Предположим, это очень сильный тайфун, и спасти корабль невозможно. Что ты будешь делать?

Он ответил:

– Ничего, то же самое – *большой* якорь.

Капитан спросил:

– Откуда ты берешь все эти большие якоря?

Мулла Насреддин ответил:

– Из того же самого места. Откуда вы берете эти огромные, величиной с гору, волны и сильные ветры? Оттуда же я беру якоря. Вы будете находить волны и ветры, а я буду находить все больше и больше якорей.

Если в существовании есть дыры, где объекты просто исчезают в несуществование, то должны быть и дыры, через которые эти объекты появляются из *ничто*, – нужно всего лишь немного фантазии. Ученые еще не работали над этим.

Я полагаю, что черная дыра подобна двери: с одной стороны – черная дверь, черная дыра. Объекты попадают в нее и исчезают в *ничто*. А с другой стороны тоннеля – та же самая дверь, только с другой стороны – «белая дыра», через которую объекты рождаются вновь в обновленном виде. Это та же самая утроба матери.

За пределами просветления вы входите в *ничто*.

Исчезает переживание, исчезает переживающий.

Остается чистое *ничто*, абсолютная тишина.

Возможно, это цель каждого человеческого существа, которая рано или поздно будет достигнута.

Мы еще не знаем, существуют «белые дыры» или нет, но они должны быть.

Раз за пределами просветления вы входите в *ничто*, то должна быть и возможность выйти из этого *ничто*, обрести форму, вернуться в существование – обновленными, свежими, светящимися – на совершенно ином уровне. Потому что ничто не разрушается, все может только впадать в спящее состояние, погружаться в глубокий сон. И потом наутро снова пробуждаться. Именно так существование и продолжается.

На Западе за две тысячи лет истории философии такая идея не появлялась ни разу. Люди на Западе думают только о сотворении: «Кто это сотворил?» И создают себе проблемы, потому что, каким бы ни был ответ, он порождает все новые и новые вопросы.

На Востоке есть концепция циклов существования и не-существования, подобных смене дня и ночи. За сотворением следует антитворение, все погружается в ничто, подобно тому, как ночь следует за днем и все погружается во тьму. И эти периоды равны по времени: сколько длится творение, столько же будет длиться и период покоя. Затем снова следует творение, но более высокого порядка.

И это будет продолжаться от вечности до вечности – творение, антитворение, творение, снова антитворение, – но каждый раз утро будет еще более прекрасным. И каждый рассвет будет более красочным, еще более живым; птицы будут петь еще звонче, цветы станут еще прекраснее, а их аромат – еще сильнее.

И Восток проявил огромное мужество, приняв идею о том, что это будет продолжаться вечно. Никогда не было никакого начала и не будет никакого конца.

После просветления вы должны исчезнуть. Мир оставляется позади, тело оставляется позади, ум оставляется позади, только ваше сознание, как индивидуальность, все еще существует.

Выйти за пределы просветления – значит выйти за пределы индивидуальности и слиться со вселенной. Таким образом, каждый индивид будет продолжать двигаться в *ничто*. И в один прекрасный день все существование перейдет в *ничто* – и великий покой, великая ночь, глубокое темное чрево, великое ожидание рассвета... И так случалось всегда, и каждый раз вы рождаетесь на все более высоком уровне сознания.

Просветление – это цель человеческих существ. Но те, кто обрел просветление, не могут оставаться статичными: они должны будут двигаться дальше, они должны будут изменяться. И теперь им осталось избавиться только от одного – самих себя.

Они насладились всем. Они насладились чистотой индивидуальности, теперь они должны насладиться исчезновением индивидуальности. Они увидели красоту индивидуальности, теперь они должны увидеть исчезновение и его красоту; и безмолвие, которое следует за ним, и бездонную безмятежность, которая следует за ним.

Второй вопрос:

Ошо,

В тот вечер, когда ты говорил об эго и о том, как благодаря осознанности можно увидеть, что эго не существует, я поняла, что никогда не уделяла осознанности достаточно внимания. Для меня быть с тобой всегда означало любить тебя так сильно, как только я могу, стремиться к тебе и стараться быть как можно ближе к тебе.

Можешь ли ты сказать, как влюбленной немецкой женщине стать более осознанной?

Любви самой по себе достаточно.

Если твоя любовь не обычная, биологическая, инстинктивная любовь, если она не часть твоего эго, если она не уловка для того, чтобы доминировать над кем-то, если твоя любовь – просто чистая радость, наслаждение бытием другого человека безо всякой на то причины,

настоящая радость, то осознанность будет следовать за этой чистой любовью как тень. Тебе не нужно беспокоиться об осознанности.

Есть только два пути: либо ты становишься осознанной, тогда любовь следует за осознанностью как тень, либо ты становишься такой любящей, что осознанность появляется сама по себе. Это две стороны одной медали. Тебе незачем беспокоиться о другой стороне: просто держись одной стороны, и другая сторона не сможет ускользнуть от тебя. Другая сторона обязана появиться.

И путь любви более легкий, радостный, невинный, простой.

Путь осознанности более трудный.

Тем, кто не может любить, я предлагаю путь осознанности. Есть люди, которые не могут любить, – их сердца превратились в камень. Их воспитание, их культура, их общество убили самую способность любить – потому что этим миром правит не любовь, а хитрость. Чтобы преуспеть в этом мире, вам не нужна любовь, вам нужны жестокое сердце и острый ум. На самом деле, сердце вам вообще не нужно.

Я слышал об одном великом политике, который оказался в больнице из-за сильных осложнений с сердцем. Врачи ему вынули его сердце и заменили его пластиковым, поскольку требовалось несколько часов, чтобы прочистить его. И, конечно, сердце политика – это сердце политика: даже если чистить его несколько часов подряд, этого времени может не хватить, чтобы прочистить его полностью. Хирурги работали в другой комнате – это была грязная работа, – а политик лежал на кровати.

В палату вошел какой-то человек и потряс политика за плечо. Тот открыл глаза, а человек сказал:

– Что ты здесь делаешь? Тебя выбрали премьер-министром страны.

Политик вскочил с кровати. Из соседней комнаты выглянули врачи и спросили:

– Что случилось?

Политик как раз собрался уходить. Врачи закричали:

– Подождите! А как же ваше сердце? Мы еще чистим его!

Политик ответил:

– Теперь оно мне не понадобится по меньшей мере пять лет. Вы можете чистить его, сколько хотите. Не торопитесь. Зачем премьер-министру сердце? Но берегите его на случай, если что-то не заладится – тогда я вернусь за ним. Если же дела пойдут хорошо, то, возможно, оно мне никогда не понадобится.

В этом мире сердце не нужно. Людей, живущих сердцем, уничтожают, эксплуатируют, подавляют. Этим миром правят хитрые, умные, бессердечные и жестокие люди. Поэтому все общество устроено таким образом, что каждый ребенок начинает терять свое сердце, и его энергия начинает двигаться прямо к голове. Сердцем пренебрегают.

Я слышал одну древнюю тибетскую притчу, в которой говорится, что в начале времен сердце находилось точно посередине тела. Но из-за того, что его постоянно отталкивали в сторону, чтобы оно не мешало, теперь оно уже не находится посередине тела. Бедняга ждет где-то у обочины дороги: «Если я когда-нибудь понадобится тебе, я – здесь», – но оно не получает никакого питания, никакой поддержки. Сердце осуждается всеми возможными способами.

Если вы делаете что-то и говорите: «Я сделал это, потому что так подсказало мне мое сердце», все начинают смеяться: «Сердце? Ты что, потерял голову? Одумайся, где твой разум, где твоя логика? У сердца нет логики». Даже если вы влюбляетесь, вы должны найти причины, почему вы влюбились: у этой женщины очень красивый нос, ее глаза обладают такой глубиной, ее тело так пропорционально. Это не причины. Вы же никогда не вычисляете все эти причины на вашем калькуляторе, а затем определяете, что вот эта женщина кажется достойной того,

чтобы в нее влюбиться: «Влюбись в эту женщину – у нее как раз такая длина носа, такой цвет волос, такие пропорции тела. Что тебе еще нужно?»

Но так никто никогда не влюбляется. Вы влюбляетесь. Затем, только для того, чтобы убедить идиотов вокруг вас в том, что вы не дурак, вы все вычисляете и только потом делаете шаг. Это разумный, рациональный, логичный шаг.

Никто не прислушивается к сердцу.

А ум так болтлив, он постоянно болтает – бла-бла-бла, бла-бла-бла, – и если даже сердце говорит вам что-то, это никогда не доходит до вас. Это не *может* дойти. Базар в вашей голове так сильно шумит, что у сердца нет никаких шансов, абсолютно никаких.

И постепенно сердце вообще перестает говорить что-либо. Снова и снова его не слышат, снова и снова им пренебрегают, и оно умолкает.

Ум заправляет всем в обществе; в противном случае мы бы жили в совершенно ином мире – в котором больше любви, в котором меньше ненависти, меньше войн, в котором невозможно появление ядерного оружия. Сердце никогда не будет поддерживать развитие методов уничтожения. Сердце никогда не будет на службе у смерти. Сердце – это жизнь, оно пульсирует ради жизни, оно бьется ради жизни.

И из-за всей этой обусловленности общества приходится выбирать метод осознания, потому что осознание кажется очень логичным, рациональным.

Но если вы можете любить, вам нет необходимости идти длинным, трудным путем.

Любовь – самый короткий путь, самый естественный, такой легкий, что он возможен даже для маленького ребенка. Он не требует никакой подготовки. Вы от рождения обладаете этим качеством, если только оно не извращается другими.

Но любовь должна быть чистой. Она не должна быть нечистой.

Вы будете удивлены, узнав, что английское слово *love* («любовь») происходит от очень некрасивого санскритского корня. Оно происходит от корня *лобх*. *Лобх* означает «жадность».

И если говорить об обычной любви, то это своего рода алчность.

Вот почему есть люди, которые любят деньги, люди, которые любят дома, которые любят то, любят это. Даже если они любят мужчину или женщину, это просто их алчность; они хотят владеть всем тем, что их привлекает.

Это уловка, чтобы властвовать. Поэтому влюбленные постоянно сражаются друг с другом, сражаются из-за таких пустяков, что потом им обоим становится стыдно: «Из-за чего мы продолжаем сражаться!» В моменты тишины, когда они одни, они чувствуют раскаяние: «Не вселился ли в меня злой дух? Ссориться из-за таких пустяков? Какой в этом смысл?» Но дело тут не в пустяках. Дело в том, кто будет обладать властью, кто будет доминировать, чей голос будет услышан.

В таких условиях любовь существовать не может.

Я слышал одну историю...

Эта небольшая история случилась в жизни Акбара, одного из самых великих императоров Индии. Он проявлял очень большой интерес к разного рода талантливым людям, и со всей Индии он собрал девять человек, самых талантливых гениев, которые были известны как «девять драгоценностей двора Акбара».

Однажды, когда он просто болтал со своими советниками, он сказал:

– Вчера вечером у меня был спор с моей женой. Она настаивает на том, что каждый муж находится под каблуком у своей жены. Я пытался возражать, но она говорит: «Я знаю много семей, но никогда не встречала ни одного мужа, который не был бы под каблуком у своей жены». Что вы думаете об этом?

Один из советников по имени Бирбал сказал:

– Возможно, она права, ведь ты не можешь доказать ей обратное. Ты сам у нее под каблуком, иначе ты бы как следует поколотил ее и тем самым доказал: «Смотри, вот – муж!»

– Я не могу так поступить, – сказал Акбар, – ведь мне с ней жить. Легко советовать другому побить жену. Ты-то сам можешь побить свою жену?

– Нет, я не могу, – ответил Бирбал. – Я просто принимаю то, что я под каблуком у моей жены, и твоя жена права.

Но Акбар сказал:

– Это надо выяснить... Должен же быть в столице хотя бы один муж, который не находится под каблуком у своей жены. В мире нет такого правила, в котором не было бы исключения, а это и не правило вовсе.

И он сказал Бирбалу:

– Возьми двух моих прекрасных арабских скакунов – вороного и белого – и обойди всю столицу. И если ты найдешь человека, который не находится под каблуком у жены, ты можешь предложить ему выбрать одного из коней в качестве награды от меня.

Это были очень ценные лошади. В те времена лошади ценились очень высоко, а эти лошади были самыми прекрасными.

Бирбал сказал:

– Это бесполезно, но если ты приказываешь, я пойду.

Он обошел весь город, и оказалось, что каждый муж находится под каблуком у жены. Все происходило вполне обычно: он просто подзывал мужа и жену и спрашивал у мужа:

– Ты под каблуком у жены или нет?

Мужчина бросал взгляд на жену и отвечал:

– Тебе следовало бы спросить меня об этом, когда я один. Так нечестно. Ты создаешь ненужные неприятности. Я не собираюсь разрушать свою жизнь из-за лошади. Забирай своих лошадей, они мне не нужны.

Но у одного дома сидел человек, которому двое слуг делали массаж. Он был борцом, чемпионом, очень сильным человеком. Бирбал подумал: «Возможно, этот человек... Он может убить любого голыми руками. Стоит попасть ему в руки – и конец!» Бирбал спросил у него:

– Могу ли я задать тебе вопрос?

Тот сказал:

– Вопрос? Какой вопрос?

Бирбал спросил:

– Ты под каблуком у жены?

Человек сказал:

– Сначала давай поприветствуем друг друга, давай пожмем друг другу руки.

Он стиснул руку Бирбалу и сказал:

– Пока ты не закричишь и на твоих глазах не выступят слезы, я не отпущу твою руку. Твоей руке – конец. Как ты посмел задать мне такой вопрос?

Бирбал умирал – рукопожатие мужчины было стальным, – на его глазах показались слезы, и он сказал:

– Отпусти меня. Ты не подкаблучник. Я просто ошибся. Но где твоя жена?

Человек ответил:

– Смотри, она – там, готовит мне завтрак.

Очень маленькая женщина готовила ему завтрак.

Женщина была такой маленькой, а мужчина таким большим, что Бирбал подумал: «Возможно, этот человек и не находится под каблуком у жены. Он бы убил эту женщину».

И Бирбал сказал:

– Больше нет нужды кого-то искать. Ты можешь выбрать любого из этих двух коней – вороного или белого. Это награда от царя тому, кто не находится под каблуком у жены.

И в этот момент маленькая женщина сказала:

– Не бери вороного! Иначе я превращу твою жизнь в ад!

Мужчина ответил:

– Нет-нет, я возьму белого. Ты только успокойся.

Бирбал сказал:

– Ты не получишь ни белого, ни вороного. Все кончено, ты проиграл. Ты тоже подкаблучник.

Идет постоянная борьба за господство. Любовь не может расцвести в такой атмосфере.

Мужчина борется в этом мире ради осуществления разного рода амбициозных целей. Женщина борется с мужчиной, потому что она боится: он уходит из дома на целый день. «Кто знает? Может быть, у него есть другие женщины». Она ревнует, подозревает; она хочет быть уверенной, что мужчина остается под контролем. Поэтому дома мужчина борется с женой, а вне дома он борется с миром. Как же в таких условиях может распусться цветок любви?

Цветок любви может распусться только тогда, когда нет никакого эго, когда не делается никаких попыток доминировать, когда человек скромн, когда он не пытается быть кем-то, а готов быть никем.

Естественно, в обычном мире такого случиться не может, но рядом с мастером такая возможность есть. Любовь к мастеру не биологическая. Биология не имеет никакого отношения к мастерам и ученикам. Любовь к мастеру не имеет ничего общего с доминированием.

Поскольку такая любовь свободна от эго, цветок может распусться.

Вы просто радуетесь присутствию мастера, его наполненности, его удовлетворенности. Вы радуетесь так, как будто это ваша наполненность, ваша удовлетворенность. В сиянии мастера вы чувствуете, что это и ваше сияние. Вы ощущаете себя *частью* мастера, вы вошли с ним в такую гармонию, что его сердце и ваше сердце уже не два разных сердца.

Осознанность придет сама по себе, а путь любви – это самый прекрасный путь, самый невинный путь, путь, полный цветов, путь, который проходит среди прекрасных озер, рек, роц и садов.

Дорога осознанности – это путь, который проходит через пустыню. Он только для тех, кто никак не может вернуться к своему сердцу.

Если вы легко можете быть сердечными, забудьте об осознанности, она придет сама по себе. Каждый шаг любви будет приносить свою собственную осознанность. Это не будет *падением в любовь*¹; я называю это *восхождением в любовь*.

Третий вопрос:

Ошо,

Я всегда разделен на две части, и это связано с тобой. Одна часть рвется работать, носиться повсюду, организовывать, суесться, бороться, беседовать с журналистами и политиками, кричать с крыши домов. Другая часть, которая за последние годы стала гораздо сильнее, хочет просто сидеть рядом с тобой и впитывать все: тебя, твое безмолвие и твои слова.

Может быть, вся эта активность была нужна для того, чтобы однажды я оказался в состоянии сидеть безмолвно?

Не мог бы ты рассказать о своей внешней и о своей внутренней работе?

В тебе нет никакого разделения.

¹ Falling in love (англ.) – дословно переводится как «падение в любовь». – Здесь и далее примеч. пер.

Если одна часть сражается во внешнем мире, чтобы распространить мое послание повсюду, а другая часть просто хочет сидеть рядом со мной, впитывая мое безмолвие, мое присутствие, мой покой, радуясь моему блаженству, пребывая в экстазе, ничего не делая...

Может показаться, что эти части противостоят друг другу. Это не так. Чем больше ты возвещаешь с крыш, тем больше ты способен сидеть безмолвно рядом со мной; и чем больше ты сидишь в тишине рядом со мной, тем больше у тебя чего-то такого, чем ты можешь поделиться с миром, за что можно сражаться.

Человек есть внутреннее и внешнее, и осуждение одного в пользу другого – это заблуждение, очень древнее заблуждение.

На Востоке люди отрекаются от внешнего в пользу внутреннего. Они бегут от мира в гималайские пещеры, чтобы посвятить всю свою жизнь, все свое время и всю свою энергию внутреннему путешествию, – но они не понимают диалектики жизни.

На Западе делается как раз противоположное. Там отрекаются от внутреннего, чтобы вкладывать всю свою энергию во внешний мир и завоевание внешнего мира.

Восток и Запад оба неправы, и в то же время они оба правы.

Они оба неправы, потому что оба остаются половинчатыми: одна часть развивается, а другая отстает в развитии. Вы сами это видите.

На Востоке так много нищеты, так много болезней, так много смерти. Тем не менее люди удовлетворены. Несмотря на все это, у них, кажется, не возникает мыслей о революции: «Мы должны изменить весь мир. Мы не можем больше жить в нищете, мы веками жили в нищете, веками жили в рабстве. И мы принимали все: нищету, рабство, болезни, смерть – без всякого сопротивления, поскольку это все внешние вещи. А все наши усилия были направлены на внутреннее».

На Западе ликвидирована нищета, ликвидированы многие болезни, увеличена продолжительность жизни человека. Тело человека стало более красивым, существование человека стало более комфортабельным, но сам человек – для которого предназначен весь этот комфорт, все эти достижения науки и технологий, – отсутствует. На Западе совершенно забыли о том, для кого все это делалось. Внутри – пусто. Вокруг есть все, а в середине – недоразвитое сознание, почти не существующее.

Поэтому и Восток, и Запад оба преуспели в том, что они делали, и оба потерпели неудачу, потому что они выбрали только одну половину человеческой жизни.

Моя позиция заключается в том, чтобы принимать человека в его тотальности, в его целостности.

И следует иметь в виду, что, принимая тотальность человека, вы должны понимать законы диалектики жизни.

Например, вы целый день усердно трудитесь – в поле, в саду, – обливаетесь потом. Ночью вы будете замечательно спать. Вы же не думаете, что не сможете спать ночью, потому что вы весь день так усердно работали? Вам кажется, что это несовместимо с вашей работой, продолжающейся целый день. Нет, это совсем не так. Вся ваша тяжелая работа днем подготовила вас к расслаблению; ночь будет глубоким расслаблением.

Нищие спят лучше всех. Императоры не могут спать, потому что они забыли диалектику жизни. Вам нужны две ноги, чтобы ходить, вам нужны две руки, вам нужны оба полушария вашего мозга.

Сейчас стало общепризнанной психологической истиной, что вы можете напряженно заниматься математикой, – так как эта работа производится одной частью вашего мозга, – а потом можете так же интенсивно заниматься музыкой, и, поскольку за это отвечает другая часть вашего мозга, это не будет непрерывной работой. Фактически, когда вы усиленно занимаетесь математикой, музыкальная часть вашего ума отдыхает, а когда вы усиленно занимаетесь музыкой, отдыхает ваш математический ум.

Во всех университетах и колледжах мира смена классных занятий происходит через каждые сорок минут, поскольку было выяснено, что через сорок минут та часть вашего ума, которую вы использовали для работы, устает. Просто смените предмет занятий – и эта часть перейдет к отдыху.

Сидя рядом со мной, наполняй свою чашу соком как можно полнее. Ощущай тишину до ее предельной глубины, и тогда ты сможешь кричать с крыш.

И здесь нет никакого противоречия: твой крик – просто часть диалектического процесса. Твоя тишина и твой крик – как две руки, как две ноги, как день и ночь, как работа и отдых. Не разделяй их, не противопоставляй одно другому – все беды мира проистекают из этого.

Восток создал великих гениев, но мы все еще живем в эпоху воловьих упряжек, потому что наши гении просто медитировали. Их медитации никогда не превращались в действие. Если бы медитировали несколько часов, а затем использовали бы свое безмолвие, покой и медитативное состояние для научных исследований, эта страна была бы самой богатой в мире – внешне и внутренне.

То же самое верно и по отношению к Западу: Запад породил великих гениев, но все они занимались материальным миром. Они полностью забыли самих себя. Время от времени какой-нибудь гений вспоминал, но было уже слишком поздно.

Альберт Эйнштейн перед смертью произнес свои *последние* слова – и запомните, последние слова являются самыми важными словами, которые человек когда-либо произносил за всю свою жизнь, так как они подводят итог жизни, выражают сущность жизненного опыта. Вот его последние слова: «Если бы у меня была еще одна жизнь, я бы хотел быть водопроводчиком. Я не хочу быть физиком. Я хочу быть кем-то очень простым – водопроводчиком».

Уставший мозг, сгоревший мозг... И каково его достижение? Хиросима и Нагасаки.

Этот человек был способен стать Гаутамой Буддой. Если бы он обратил свой взгляд внутрь, у него было бы такое прозрение, что, возможно, он ушел бы глубже, чем любой Гаутама Будда; ведь когда он смотрел на звезды, он уходил дальше, чем любой астроном. Это та же самая энергия, вопрос только в том, куда ее направить. Но зачем привязываться к чему-то одному? Почему бы не оставаться открытым обоим измерениям?

Что за нужда привязываться? «Я могу смотреть только вовне, я не могу смотреть внутрь». Человек должен лишь научиться тому, как видеть глубоко, а затем использовать эту способность в обоих измерениях. Тогда он сможет подарить миру лучшую науку и лучшую технологию, и одновременно человеческие существа, лучшее человечество.

И запомните: только в руках лучшего человеческого существа лучшая технология полезна, в противном случае она опасна.

Восток умирает от нищеты. Запад умирает от могущества. Странно... На Западе создано такое могущество, что там могут только убивать. Люди там ничего не знают о жизни, потому что они никогда не смотрели внутрь.

Восток же знает о жизни все, но без пищи вы не можете медитировать. Когда вы голодны и закрываете глаза, вы можете видеть только хлебные лепешки, летающие вокруг.

Вот что случилось в жизни одного поэта, Генриха Гейне. Он заблудился в лесной чаще и три дня блуждал, голодный, измотанный. От страха он не мог заснуть: ночью в кронах деревьев скрывались дикие звери. И в течение трех дней он не встретил ни одного человека, которого он мог бы спросить, правильно ли он идет, куда он идет, и не ходит ли он по кругу. Три дня... И затем наступила ночь полнолуния.

Голодный и уставший, прислонившись к дереву, он посмотрел на полную луну. Он был великим поэтом, и он был поражен, он не мог поверить в это. Он сам писал о луне, он читал о луне. О луне написано так много – столько стихов, столько картин, столько произведений искусства посвящены луне. И с Генрихом Гейне случилось откровение: раньше он обычно

видел в луне лицо своей возлюбленной, теперь же он увидел только парящий в небе хлеб. Он старался из всех сил, но лицо возлюбленной не появилось.

Быть диалектичными весьма полезно. И никогда не забывайте применять противоположности как взаимодополняющие вещи. Используйте все противоположности как взаимодополняющие вещи, и ваша жизнь будет более полной, ваша жизнь будет целостной.

Для меня это единственная святая жизнь; целостная жизнь – это единственная святая жизнь.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Сегодня я наблюдал, как один канатоходец обучал маленькую девочку ходить по канату. Иногда он давал ей затрецину, иногда убеждал ее словами, но мне показалось, что предпринимать все новые и новые попытки ее вдохновляло главным образом то, что она чувствовала его веру в ее потенциальную способность ходить по канату.

Не мог бы ты рассказать что-либо о вере мастера в ученика?

Сам факт, что мастер принимает ученика, показывает его веру в потенциал ученика. В противном случае тот не был бы принят.

Каждый человек обладает потенциалом, но все зависит от правильного времени, правильного места и правильного опыта. Иными словами, каждый человек способен быть просветленным, станет просветленным, но когда, в какое время – в этой жизни или в следующей, – зависит от многого: от того, насколько велик ваш опыт, опыт разочарования в мире, насколько велико ваше страдание.

Вы все еще надеетесь, что завтра все изменится к лучшему, или вы утратили всякую надежду? Дошли вы уже до предела отчаяния или ваше отчаяние преходяще? Вы пришли к мастеру потому, что поругались сегодня с женой, а через пятнадцать минут все изменится – гнев исчезнет?

Когда-то я жил в одном университетском городке. В первый день я поселился в отведенном мне коттедже. Я был один, а коттедж, пристроенный к моему, занимали профессор-бенгалец и его жена. Стены были настолько тонкими, что даже если бы вы заткнули уши, вы все равно могли бы слышать, что происходит за стеной.

Поскольку муж и жена ругались так ожесточенно, я подумал, что вот-вот прольется кровь. Я не мог спать. Был час ночи, а они все ругались, ругались и ругались... Я не мог понять, о чем они говорили, но, должно быть, дело приняло серьезный оборот, так как профессор в конце концов сказал: «Я покончу с собой». Он сказал это по-английски.

Я подумал: «Что ж, по крайней мере я хоть это понял». Я вышел из дома, чтобы обновить его:

– Подождите! Где вы собираетесь совершить самоубийство посреди ночи? Лучше отложить это дело на утро.

Но он уже был далеко.

Я обратился к его жене, которая даже не вышла из дома, чтобы попрощаться с ним! Я спросил у нее:

– Что я должен делать? Может быть, мне следует пойти в полицию? Может быть, позвонить кому-то? Что нужно делать?

Она ответила:

– Ничего не нужно делать. Вы видите, его зонтик здесь. Без зонтика он никуда не пойдет. Он скоро вернется – как только вспомнит о зонтике. В гневе он забыл свой зонтик. Бенгалец и без зонтика?

Я сказал:

– Но самоубийство – такое серьезное дело, и зонтик для этого совершенно не нужен.

– Просто подождите, – сказала она. – Посидите здесь. Я приготовлю вам кофе, потому что вы... Я знаю, что вы должны были слышать все это.

И через пятнадцать минут он вернулся.

Я спросил его:

– Что случилось?

– Что случилось? – спросил он. – Я забыл мой зонтик! И сейчас, должно быть, не меньше двух часов ночи.

Я ответил:

– Вы правильно поступили. Утром возьмете свой зонтик и отправитесь искать подходящее место.

Но кто будет делать это утром?

Утром я напомнил ему:

– Вы все еще здесь? Солнце уже взошло. Теперь вам нужно пойти и поискать подходящее место.

Я сказал:

– Я вижу, как вы каждый день ходите в университет с этим зонтиком.

Он ответил:

– Это просто привычка. Поскольку не было дождей, не было и необходимости открывать зонтик, я просто носил его с собой. Сейчас я открыл его – он неисправен. А я все время говорил моей жене, что мой зонтик всегда должен быть исправным на случай чрезвычайных обстоятельств. И вот теперь я захотел покончить с собой, а зонтик не готов.

Я подумал: «Вот это здорово! Каждому, кто захочет покончить с собой, следует кое-чему поучиться у тебя».

Однажды, где-то около трех часов дня, я снова услышал, что он собирается совершить самоубийство. Но на этот раз я уже не волновался так сильно, поскольку решил, что это – обычное дело. Но все же вышел, чтобы попрощаться.

Он посмотрел на меня со странным выражением на лице. Он спросил:

– Что вы имеете в виду, прощаясь со мной?

Я сказал:

– Вы собираетесь покончить с собой, и я не думаю, что мы снова встретимся, поэтому я прощаюсь с вами. Но что это вы несете с собой? – Он держал в руках пакет с едой. – Куда вы несете еду?

– Вы же знаете эти индийские поезда, – сказал он, – иногда они опаздывают на десять часов, иногда на двенадцать. А я совершенно не выношу голода. Я лягу на рельсы и буду ждать поезд. Если он придет – хорошо, если же нет, у меня будет с собой еда.

Я сказал:

– Вы же умный и интеллигентный человек – всякий, кто посмотрит на вас, решит, что вы отправляетесь на пикник.

И когда он ушел, появилась его жена. Она спросила:

– Он ушел?

– Ушел, – ответил я.

– Он скоро вернется, – сказала она. – Этот идиот... Всякий раз, когда он хочет отправиться на пикник... Он такой скряга, что даже меня не берет с собой, поэтому он говорит, что

идет совершать самоубийство. Он наверняка сидит возле станции и ест. Вы можете сами пойти и убедиться в этом прямо сейчас.

Железнодорожная станция находилась не очень далеко, поэтому я пошел туда и увидел его. Он наслаждался бенгальскими сладостями и другими закусками.

Я сказал ему:

– Чаттерджи, поезд стоит на платформе. Оставьте вашу еду, бегите! Скорее ложитесь под поезд!

– Слишком поздно, – ответил он. – Во-первых, я должен доесть все, что принес с собой. Так что сегодня я не успею. Ведь поезд приходит на эту станцию только один раз в сутки. (Это была небольшая станция, и поезд приходил туда только раз в сутки.) На сегодня с этим покончено.

Но я сказал:

– Вы же говорили, что будете ждать прихода поезда. И сейчас еще не время для ужина, сейчас всего лишь три часа дня.

– Когда под рукой такие сладости, ждать невозможно, – сказал он. – А сейчас я пойду домой вместе с вами.

Есть люди, которые хотели бы стать саньясинами, которые хотели бы стать учениками. Но это может быть просто эмоциональным, сентиментальным, временным явлением – желание пришло и через две минуты исчезло. У них есть потенциал, но их время еще не пришло.

Даже если они принимают саньясу, даже если они становятся учениками – поскольку ни один мастер не бывает настолько жестоким, чтобы сказать «нет» кому-то, кто хочет стать учеником, – они предадут его. Рано или поздно они уйдут, так как это не было нечто очень глубокое, исходящее из самого сердца. Это было нечто весьма поверхностное, нечто настолько поверхностное, что, если бы они подождали еще несколько минут, они бы передумали. Это исходило от ума, а ум никогда не бывает стабильным, он постоянно меняется.

Вы не можете удержать одну мысль в уме даже несколько секунд. Как-нибудь попробуйте: только одна мысль, и вы пытаетесь удерживать ее. И вы будете удивлены: всего через тридцать секунд вы о ней забудете, и ваш ум займется чем-то еще. А затем вы внезапно вспомните, что пытались придерживаться одной мысли и могли удерживать ее всего лишь тридцать секунд.

Гурджиев обычно давал это задание каждому, кто хотел стать его учеником. Он давал человеку его собственные карманные часы и говорил: «Держите часы перед собой, следите за секундной стрелкой и выберите любое слово – например, ваше имя. Просто удерживайте это имя в вашем уме, а затем скажите мне, как долго вам удавалось удерживать его». Это могло продолжаться пятнадцать секунд, тридцать секунд, самое большее – сорок секунд. Даже полную минуту никто не мог удержать одну мысль.

Ум пребывает в постоянном изменении.

Поэтому те, кто хочет стать учениками по каким-то соображениям ума, не останутся с мастером. Нет необходимости отказывать им, они уходят сами.

Но мастер прекрасно знает, что если кто-то приходит с побуждением, исходящим из самого сердца, если ради этого он может поставить на карту всю свою жизнь, то такой человек не уйдет. Только эти немногие люди достигают самореализации.

Потенциал есть у каждого, но не каждый готов реализовать его именно в этот момент – возможно, в другое время, в другой жизни, с другим мастером.

Но в жизни каждого наступит такой день, который станет поворотной точкой, поворотом на сто восемьдесят градусов, и тогда ученичество будет прекрасным ростом.

Тогда вся энергия будет двигаться в одном направлении, с одним устремлением, без всяких отклонений. Тогда расстояние до цели будет уменьшаться.

Чем более интенсивным будет ваше побуждение, тем меньше будет расстояние. Если ваше устремление будет тотальным, то расстояния вообще не будет.

Тогда вам не нужно будет идти к цели, цель сама придет к вам.

Глава 2. Невинность – это и есть свет

Первый вопрос:

Ошо,

У меня есть вопросы, но они никогда не бывают завершенными, и я не знаю, что спрашивать.

Ни один вопрос никогда не бывает завершенным, потому что завершенность вопроса будет означать, что он заключает в себе ответ.

Вопрос по самой своей природе является незавершенным. Это желание, стремление, поиск, поскольку что-то нуждается в завершении.

Это свойство человеческого сознания – требовать завершенности. Оставьте что-либо незавершенным – и это станет навязчивой идеей; завершите это – и вы свободны от него. Завершение приносит свободу.

Следовательно, не только *твои* вопросы являются незавершенными. Ты просто более бдителен и увидел незавершенность каждого вопроса.

Во-вторых, ты не знаешь, что спрашивать. И никто не знает. Все ваши вопросы происходят из вашего невежества, из вашего бессознательного, из вашей темной души. Никто не знает точно, каков его вопрос, о чем важнее всего спросить, – потому что в тот момент, когда вы узнаете, каков ваш вопрос, вы сразу же обнаружите ответ внутри себя.

Быть абсолютно уверенным в вопросе означает, что ответ не очень далеко. Он очень близко, так как уверенность приходит из ответа, а не из вопроса.

Но тем не менее человек должен спрашивать.

Хотя все вопросы являются незавершенными и вы не знаете, о чем спрашивать, все же человек должен спрашивать, потому что он не может оставаться безмолвным. Можно и не спрашивать – но это не значит, что у вас нет вопросов, это значит лишь то, что вы не выносите их наружу. Возможно, вы боитесь быть разоблаченным, поскольку каждый вопрос будет указывать на ваше невежество.

Есть миллионы людей, которые никогда не задают вопросов по той простой причине, что молчаливый человек, по крайней мере, кажется мудрым. Задать вопрос – значит показать свои раны, показать все темные пятна в своем существе. Для этого требуется мужество.

В-третьих, есть вопросы, которые исходят не из невежества, а от заимствованного вами знания, – это самые худшие из всех вопросов.

Вопрос, который исходит из невежества, невинен, обладает чистотой. Это незагрязненный, неизвращенный вопрос, он показывает ваше мужество, ваше доверие.

Но есть вопросы, которые исходят из заимствованного вами знания. Вы много слышали, вы много читали, вы получали информацию от родителей, учителей, священников, политиков, всевозможных демагогов, всевозможных претендентов на знание – и вы собирали весь их мусор.

Один мой саньясин прислал мне прекрасный подарок: очень красивую, художественно исполненную корзинку для ненужных бумаг с запиской: «Ошо, если ты считаешь, что мои вопросы – просто мусор, бросай их в эту корзину. Ты можешь не отвечать на них».

Вопросы, исходящие из знания, – это мусор.

Вы ничего не знаете о Боге, о Вселенной, вы ничего не знаете о душе, реинкарнации, будущих и прошлых жизнях. Все, что вы знаете, – это просто слухи. Люди вокруг вас болтают, а вы собираете всевозможную информацию, которая кажется вам важной. Почему она кажется вам важной? Она кажется важной потому, что она прикрывает ваше невежество. Она помогает

вам чувствовать себя так, *как будто* вы знаете. Но помните, это «как будто» слишком преувеличено. Вы не знаете, это только *как будто*.

Все священные писания, все книги по философии и теологии следует объединить в одну категорию: «как будто». В них говорится о том, что совершенно неосуществимо, о чем их авторы ничего не знают, но эти авторы обладают красноречием и богатым воображением и способны создавать различные системы из ничего.

Вот почему ни один философ не соглашается ни с одним другим философом. И каждый философ думает, что он нашел именно ту систему, которая объясняет все в мире, – а все другие философы смеются над ним, они обнаруживают в его системе тысячи несоответствий. Но когда дело касается их самых, они совершают ту же ошибку: они претендуют на то, что именно *их* система является завершенной и больше не нужны никакие исследования.

И самое странное то, что именно эти люди очень проницательны в обнаружении пробелов в чужих теориях, но они не могут увидеть пробелы собственной системы. Возможно, они не хотят видеть. Ошибки есть, всякий другой может их увидеть; невозможно, чтобы они сами их не видели. Но они игнорируют их, надеясь, что их никто не заметит.

Все философии потерпели неудачу.

Все религии потерпели неудачу.

Вы несете в своем уме руины всех религий и всех философий, и из этих руин возникают вопросы. Эти вопросы бессмысленны, вам не следует их задавать. Именно эти вопросы показывают вашу глупость.

Но вопросы, возникающие из вашего невежества, подобны вопросам ребенка – они являются незавершенными, не очень возвышенными, но чрезвычайно важными.

Однажды Дэвид Лоуренс гулял в саду с одним маленьким ребенком, который все время задавал всевозможные вопросы. Лоуренс был одним из самых искренних людей этого столетия; из-за его искренности его осуждали правительства и священники, потому что он говорил только правду, не желал быть дипломатичным, лицемерным, не шел на компромиссы. И перед этим маленьким ребенком он проявил такую подлинную искренность, которую не проявляли даже ваши великие святые.

Ребенок спросил: «Почему деревья зеленые?» Очень простой вопрос, но очень глубокий. Все деревья зеленые – почему? Когда есть так много цветов, имеется целая радуга цветов: одно дерево может быть желтым, другое – красным, третье – синим... Почему же все деревья выбрали зеленый цвет?

На месте Лоуренса любой родитель, любой учитель, любой священник – кто угодно – сказал бы какую-нибудь ложь, например: «Бог сделал их зелеными, потому что зеленый цвет очень приятен для глаз». Но это было бы обманом, ложью, поскольку Лоуренс ничего не знал о Боге, он не знал, почему деревья зеленые.

На самом деле, этого не знает ни один ученый, который исследует деревья, хотя он может утверждать, что деревья являются зелеными благодаря определенному элементу, хлорофиллу. Но это не ответ для ребенка. Он просто спросит: «Почему они выбрали хлорофилл – *все* деревья?» Этот ответ его не удовлетворит.

Лоуренс закрыл глаза, задумался на минуту... Что же ответить этому ребенку? Он не хотел обманывать невинного ребенка, хотя вопрос был обыкновенным и стоился бы любой ответ. Но вопрос возник из невинности, следовательно, он был очень глубоким.

И Лоуренс открыл глаза, посмотрел на деревья и сказал ребенку:

– Деревья зеленые, потому что они зеленые.

Ребенок сказал:

– Правильно. Я тоже так подумал.

Лоуренс вспоминал в своих мемуарах: «Для меня это стало великим переживанием – та любовь и то доверие, которые ребенок проявил ко мне в ответ на полную искренность. Мой ответ не был ответом; с точки зрения логики, это была тавтология. „Деревья зеленые, потому что они зеленые“ – разве это ответ?»

Фактически, Лоуренс признает: «Дитя мое, я так же невежествен, как и ты. Простая разница в возрасте не означает, что я знаю, а ты не знаешь. Различие в возрасте – это не различие между невежеством и знанием».

То, что деревья зеленые, – это часть тайны всего существования.

Вещи таковы, каковы они есть.

Женщина – это женщина, мужчина – это мужчина. Роза – это роза; как бы вы ее ни называли, она все равно остается розой.

В этом небольшом эпизоде скрыто нечто потрясающе прекрасное.

Задавайте вопросы – но не из знания, потому что любое знание заимствовано, ни на чем не основано, это просто мусор.

Задавайте вопросы из вашего невежества.

Запомните, невежество ваше, гордитесь им.

Знание же не ваше. Как вы можете им гордиться?

И вопрос не должен прикрывать невежество. Вопрос должен приносить немного света, чтобы невежество, темнота исчезли.

Я не могу дать вам ответ, который был бы лучше, чем ответ Лоуренса, но я могу дать вам нечто иное, в отношении чего у Лоуренса не было никакого понимания.

Я могу дать вам пространство, тишину, в которой вы можете сами узнать тайну.

Задавайте вопросы, какими бы они ни были. Только помните: не спрашивайте из знания, спрашивайте из вашей собственной подлинной невежественности.

И на самом деле мои ответы – это не ответы. Мои ответы – убийцы: они просто убивают вопрос, они устраняют вопрос, они не дают вам никакого ответа, за который вы смогли бы ухватиться.

И в этом разница между учителем и мастером: учитель дает вам ответы, чтобы вы могли держаться за эти ответы и оставаться невежественными – внешне вы будете производить прекрасное впечатление, вы будете кладовыми, полными ответов, но в глубине, под внешним слоем, вы останетесь совершенно невежественными.

Мастер же просто убивает ваши вопросы.

Он не дает вам ответ, он устраняет вопрос.

Если бы все ваши вопросы можно было устранить... Вслушайтесь внимательно в то, что я говорю: если устранить все ваши вопросы, ваше невежество исчезнет само собой, и останется только невинность.

А невинность – сама по себе свет.

В этой невинности вы не знаете никаких вопросов, никаких ответов, потому что все они остались позади. Они стали несущественными, вы вышли за их пределы.

Вы чисты от вопросов и чисты от ответов.

Это состояние и есть просветление. И если вы достаточно смелы, вы можете даже выйти за его пределы.

Это даст вам все прекрасные переживания, описанные мистиками прошлых веков: ваше сердце будет танцевать в экстазе, все ваше существо станет прекрасным рассветом... тысячи лотосов расцветут в вас.

Если вы захотите, вы сможете устроить здесь свой дом.

В прошлом люди останавливались здесь – где еще можно найти лучшее место? Гаутама Будда назвал это место «Лотосовым раем».

Но если вы прирожденный искатель...

Я предлагаю вам: отдохните немного, насладитесь всеми красотами просветления, но не делайте здесь окончательной остановки.

Двигайтесь дальше, потому что жизнь – это бесконечное путешествие, и случится еще много такого, что абсолютно неопишимо.

Переживание просветления тоже не поддается описанию, хотя оно и описывалось всеми, кто испытал его. Все они говорят, что оно не поддается описанию, и тем не менее описывают его: оно наполнено светом, наполнено радостью, это высшая степень блаженства. Если это не описание, тогда что же такое описание?

На протяжении тысячелетий люди, которые становились просветленными, говорили, что просветление не может быть описано, и в то же время описывали, воспевали его всю свою жизнь.

Но за пределами просветления вы входите в мир, который, безусловно, неопишимо.

В просветлении вы все еще *есть*; в противном случае кто бы испытывал блаженство, кто бы видел свет? Кабир говорит: «...Как будто вошли тысячи солнц». Кто видит это?

Просветление – это предельное переживание, но это все же переживание, и там присутствует переживающий.

За пределами просветления переживающий исчезает.

Вы растворяетесь.

Раньше вы пытались растворить ваши проблемы, теперь растворяетесь *вы*, потому что экзистенциально *вы* и *есть* проблема. Ваша отделенность от существования – это единственный вопрос, который необходимо решить.

Вы теряете ваши границы, вас больше нет. Кто будет испытывать переживание?

Вам нужна огромная смелость, чтобы в процессе достижения просветления отбросить эго.

Вам потребуется в миллион раз больше смелости, чтобы отбросить себя самого для достижения запредельного, – а запредельное и есть реальность.

Второй вопрос:

Ошо,

За те годы, что я рядом с тобой, я узнал об отношениях «мастер-ученик».

Не мог бы ты прокомментировать отношения между учеником и учеником?

Их не существует.

В прошлом ученики создавали организации. Это были их отношения: «Мы – христиане», «Мы – мусульмане», «Мы принадлежим к одной религии, к одному вероисповеданию, и поскольку мы принадлежим к одному вероисповеданию, мы являемся братьями и сестрами. Мы будем жить ради нашей веры и умрем за веру».

Все организации возникали из отношений между учениками.

На самом деле, два ученика совершенно не связаны друг с другом.

Каждый ученик связан с мастером в силу своих индивидуальных способностей.

Мастер может быть связан с миллионами учеников, но это связь личная, не имеющая никакого отношения к организации.

Ученики не связаны никакими отношениями. Да, между ними есть определенное дружелюбие, определенная симпатия.

Я избегаю слова «отношения», потому что оно к чему-то обязывает.

Я даже не называю это дружбой, я называю это «дружелюбием», потому что все ученики – попутчики, идущие по одной дороге, влюбленные в одного мастера, но между собой они связаны только *через* мастера.

Они не связаны друг с другом непосредственно.

В прошлом самым большим несчастьем было то, что ученики становились организованными, связанными между собой, в то время как все они были невежественными.

А невежественные люди создают неприятностей больше, чем кто-либо в этом мире. Все религии занимаются именно этим.

Мои люди связаны со мной лично. И поскольку они находятся на одном пути, они, конечно, знакомятся друг с другом. Возникает дружелюбие, атмосфера любви, но я не хочу называть это какими-либо отношениями.

Мы слишком много страдали из-за того, что ученики становились непосредственно связанными друг с другом, создавали религии, секты, культы, а затем сражались друг с другом. Они не могут делать ничего другого.

Запомните, что, находясь рядом со мной, вы, по крайней мере, вообще никак не связаны друг с другом.

Только некоторое дружелюбие, но не крепкая дружба, – этого достаточно, и в этом гораздо больше красоты, и нет никакой возможности причинить вред человечеству в будущем.

Третий вопрос:

Ошо,

С тех пор, как я здесь, я разрываюсь на части между желанием задать тебе вопрос – желанием разоблачить себя – и стремлением любой ценой избежать этого. У меня такое чувство, как будто я застрял в этом состоянии на годы.

Что это за страх?

Есть только один основной страх.

Все другие мелкие страхи – это побочные продукты основного, главного страха, который каждое человеческое существо несет в себе.

Это страх потерять себя. Будь то в смерти, будь то в любви, но страх всегда один и тот же: вы боитесь потерять себя.

И самое странное, что бояться потерять себя только те люди, которые не обладают собой. Те, кто обладает собой, не боятся.

Так что это действительно вопрос разоблачения.

Вам нечего терять; вы только думаете, что вам есть что терять.

Как-то я ехал в поезде с Муллой Насреддином... и появился контролер. Я показал ему билет, а Мулла стал искать свой билет. Он открыл один чемодан, затем другой, проверил все карманы – в пальто, брюках и рубашке, – но я заметил, что он намеренно пропускал один карман.

Наблюдая за ним, даже контролер сказал:

– Не беспокойтесь. Вы – известный человек. Вы не можете ехать без билета, он должен быть где-то. У вас так много багажа, я вернусь к вам, когда буду делать второй обход. К тому времени вы наверняка найдете его.

Он ушел, а Мулла все еще потел и искал свой билет.

Я сказал:

– Мулла, я заметил, что ты ищешь везде, но не заглядываешь в один карман.

– Даже не заговаривай об этом, – отмахнулся он, – я и так в беде.

Но я спросил:

– Какое отношение к этой беде имеет этот карман?

– Все дело как раз в этом кармане, – сказал Мулла. – Это единственное место, где, как я надеюсь, лежит билет, и я не хочу терять эту надежду. Дай я сначала посмотрю где-нибудь еще. Это мой *последний* шанс; я и сам знаю, что я пропускаю этот карман. Контролер смотрел на

этот карман, ты тоже смотришь на этот карман. Тут дело не в моей невнимательности. Просто я специально пропускаю его, ведь если билета там нет, то его нет нигде.

Страх приближения к мастеру – это страх разоблачения.

Кто знает? Когда вы приближаетесь к мастеру, находитесь в его присутствии, в его свете, вы можете обнаружить, что вы не существуете. И это будет почти смертью... больше, чем смертью. Поэтому люди соблюдают определенную дистанцию.

Наблюдая за дикими животными в джунглях, в горах, ученые пришли к открытию: животные претендуют на определенную территорию, у каждого животного есть своя собственная территория. Если вы не заходите на его территорию, животное не побеспокоит вас, но если вы зайдете на его территорию, вы окажетесь в опасности: животное может на вас напасть. На самом деле, это *оно* чувствует опасность: вы находитесь на его территории, подходите слишком близко, и кто знает, друг вы или враг?

И у животных очень странный способ создания демаркационной линии своей территории. Вы видели, как писают собаки? Они устанавливают границы своей территории. Каждая собака имеет свою территорию; она создает ее не при помощи видимых стен и оград, а при помощи запаха. Другие собаки немедленно улавливают этот запах: «Эта территория принадлежит какой-то собаке – осторожно!»

И то же самое делают даже львы: они обходят большую территорию и помечают ее своей мочой. А их моча обладает очень сильным запахом; любое животное обязательно должно учуять его. И, раз учуяв этот запах, оно будет избегать этого места – это для него запретная зона.

Ученые, изучавшие все это, поняли, почему животные так сильно заботятся о том, чтобы удерживать определенное пространство и не позволять никому заходить туда. Ученым стало очевидно, что все дело в страхе. Другое животное может нести смерть. Лучше предупредить его, и лучший способ защитить себя – это напасть первым, прежде чем нападут на тебя. Поэтому, если кто-то нарушает твою территорию, ты нападаешь на него, прежде чем он нападает на тебя; а напавший первым имеет больше шансов на победу.

В зоопарках, где человек держит животных на маленькой территории...

Психологи были потрясены, узнав, что в дикой природе животные никогда не сходят с ума, никогда не совершают самоубийств, никогда не становятся гомосексуальными, никогда не нападают на представителей своего вида. Но в зоопарке они начинают творить странные вещи: они становятся гомосексуальными, нападают на своих сородичей. В других условиях ни одно животное, кроме человека, не нападет на представителей своего вида. Это прерогатива человека – только человек убивает другого человека. Лев никогда не убивает другого льва...

Но в зоопарке случается так, что животные теряют весь свой природный инстинктивный ум; они становятся сумасшедшими, бешеными. И что странно, они даже начинают совершать самоубийства, и причина заключается в том, что они лишились своей территории и поэтому живут в постоянном страхе. Так много других животных и так близко – они не могут спать, они не могут расслабиться, ведь могут напасть другие животные.

Они утратили свободу, они утратили свой сон, они утратили свое нормальное психическое состояние. И при таких условиях жизни наступает момент, когда лучше совершить самоубийство, чем жить в таких мучениях. Вы не видите их муки, поскольку вы не знаете, что они страдают по особой причине: им необходимо пространство.

И именно из-за увеличения численности человечества растет количество убийств, преступлений, становится больше гомосексуалистов, лесбиянок. Стремительно растет число самоубийств. И кажется, война – это единственное, к чему мы готовимся, единственное, для чего мы родились.

Возможно, это – из-за потребности в пространстве. Возможно, человек утратил свое чувство пространства.

Только посмотрите, какую потребность в пространстве люди испытывают в пригородном поезде. Посмотрите, какую потребность в пространстве люди испытывают на дорогах. Если вы понаблюдаете внимательно, то заметите, что даже в электричках люди стоят так, чтобы их никто не касался, они предпринимают любые усилия для сохранения определенной дистанции. И пусть это будет всего лишь несколько сантиметров, но даже такая маленькая дистанция дает им возможность дышать.

Психологически человек боится приблизиться к кому бы то ни было, чье присутствие может разоблачить его, чьи глаза могут оказаться слишком пронизательными, подобными рентгеновским лучам, кто может видеть вас насквозь.

И вы боитесь, что, возможно, внутри вас ничего не будет обнаружено – никого нет, дом пуст.

И то же самое верно в отношении вопросов: вы боитесь задавать подлинные вопросы, исходящие из вашего невежества, потому что тогда вы разоблачите себя как невежественного человека.

Каждый претендует на то, что он знающий.

В моей родной городке жил один человек... слегка чудаковатый, поэтому я проявлял к нему большой интерес. Я всегда интересуюсь людьми слегка чудаковатыми, это особые люди.

Его звали Сундерлал, но я называл его «доктор Сундерлал». Сначала он не мог поверить в это – почему я называю его доктором? Он спросил меня:

– Ты сказал *доктор*?

– Ты на самом деле доктор, – ответил я. – В этом городке нет более знающего человека, чем ты.

– Это верно, – сказал он.

Я добавил:

– В этом городке ты – доктор литературы.

– Ты шутишь? – спросил он.

– Зачем мне шутить? Факт есть факт. Если хочешь, я могу привести несколько человек в качестве свидетелей.

– Нет, нет, в этом нет необходимости, – сказал он. – Я доверяю тебе. Если ты говоришь это, значит, так оно и есть.

На следующий день я увидел, что он повесил на дверь своего дома табличку: «Сундерлал, доктор литературы».

Весь городок пришел в возбуждение... Вдруг этот сумасшедший... «Какой университет дал ему степень доктора литературы?»

Я пришел к нему домой и сказал:

– Ты все сделал правильно. Никакой университет не имеет к этому отношения – какое у них право давать тебе степень доктора? Только ты сам можешь заявить об этом.

– Правильно, – сказал он. – А мой отец говорил мне: «Ты – идиот, ты написал: „Сундерлал, доктор литературы“, – придет полиция! У тебя будут неприятности, не слушай этого парня».

Я сказал:

– Тут не может быть никаких вопросов. Это твое заявление: «В этом городке я – самый знающий человек. Если у кого-то есть какие-то сомнения – я готов принять вызов!»

Он спросил:

– Следует ли написать это под табличкой?

– Да, это следует написать под табличкой, – заверил я его.

Так что была изготовлена табличка, на которой он написал: «Это заявление о том, что в этом городке я являюсь самым знающим человеком. А если у кого-нибудь есть какие-то сомнения, я готов принять вызов на дискуссию».

Но кто хотел вести дискуссию с этим человеком? Ведь он был сумасшедшим, никто не бросил ему вызов. А он сидел в кресле рядом с табличкой и ждал, что кто-то придет.

Два или три раза я справлялся:

– Ну что, кто-нибудь решился?

Он отвечал:

– Никто... Люди подходят, читают надпись и идут себе дальше! Даже мой отец сказал, что в этом, наверное, что-то есть, раз никто не возражает против этого. Даже полицейский инспектор пришел, прочитал написанное и, сказав: «Если это является заявлением...» – ушел.

Несколько лет назад этот человек умер, и он умер как «Сундерлал, доктор литературы». В газетах было напечатано: «Умер г-н Сундерлал, доктор литературы». И никто не поднял шума, потому что никто не был готов принять вызов. Все боялись спорить с этим сумасшедшим... Он мог сказать что угодно. Он мог поднять вопросы, на которые вы не смогли бы ответить, он мог подвергнуть критике все что угодно.

И все они знали, что я поддерживаю его. Я сказал ему:

– Не беспокойся. Если кто-нибудь примет вызов, я буду рядом с тобой, чтобы помочь тебе.

Он ответил:

– Я и не беспокоюсь. Я победил в споре мою жену, моего брата, моего двоюродного брата. Я победил всю мою семью. А я знаю, что в этом городе они являются средними людьми, поэтому можно считать, что я победил весь город. Может быть, мне стоит немного расширить территорию?

– Нет, тебе не следует расширять территорию, – посоветовал я ему. – Этого достаточно – ведь у тебя есть степень доктора литературы, ты заявил об этом. Не нужно расширять территорию, потому что из-за этого могут возникнуть неприятности. В этом городке ты являешься единственным чудаком. В других городах тоже могут найтись люди со странностями – возникнут ненужные неприятности. Так что лучше помалкивай.

И люди стали называть его «доктор Сундерлал». И постепенно люди забыли... Он был признан как «доктор Сундерлал, доктор литературы». Это почти стало его именем.

Ваше знание... Заявляете вы о нем или нет, но глубоко внутри вы верите, что знаете так много. Однако все, что вы знаете, не является вашим.

Приближаясь к человеку, в свете которого ваше знание начинает таять, исчезать, испаряться, оставлять вас голыми в вашем невежестве, вы боитесь даже задать вопрос.

За свою жизнь я встречал много людей, тысячи людей, которые задавали мне вопросы и говорили: «Это вопрос одного из моих друзей». И когда я встречался с людьми лично, я говорил им: «Лучше всего будет, если вы пришлете вашего друга ко мне. И он скажет то же самое: „Это вопрос одного из моих друзей“».

Человек спрашивал: «Что ты имеешь в виду?»

Я говорил: «Ты прекрасно понял... Это твой вопрос. Но у тебя даже не хватает духу признаться: „Это мой вопрос“. Знание, которое ты считаешь своим, взято тобой от других. И вопрос, который якобы является вопросом твоего друга, – это твой вопрос. Приведи своего друга. Завтра приходи с другом. Я хочу познакомиться с ним, потому что это очень важный вопрос».

Он спрашивал: «Это важный вопрос?»

Я отвечал: «Это очень важный вопрос, и я бы хотел увидеть этого человека».

И тогда он говорил: «Прости меня... На самом деле, это мой вопрос».

Люди боятся выставить себя напоказ.

Но когда вы с мастером, одно из основных правил будет состоять в том, чтобы отбросить ваши страхи и предстать голыми в вашем невежестве, потому что из этого невежества можно прийти к невинности.

А из вашего знания пути к невинности нет.

Только из вашего невежества есть путь к невинности.

Поэтому я снова повторяю: обширные знания, заимствованные у других, не имеют никакого значения. Но небольшое невежество, которое ваше, является сокровищем, потому что из этого невежества открывается дверь к вашей невинности.

И именно невинность становится светом, благоуханием, ароматом.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Однажды ты сказал мне, что весна пришла, но меня тревожит то, что я утратил все, что я заполнен мусором и не могу оставаться открытым тебе как ученик, если не нахожусь постоянно в твоём присутствии.

Можешь ли ты сказать что-нибудь о семени духовного роста, которое ты посеял в нас, и о том, может ли оно умереть?

Это семя бессмертно, оно не может умереть. Но оно может оставаться в спящем состоянии, оно может оставаться в спящем состоянии в течение нескольких жизней.

Если почва окажется неподготовленной, если семя не обеспечит нужным количеством воды, солнечного света, оно будет оставаться спящим, оно будет лишь потенциальной возможностью, ожиданием – но оно не может умереть. Вы можете умирать много раз, но семя, однажды посеянное в вас, будет оставаться в вашем сознании, где бы вы ни были.

Если вы не уделяете ему вашего внимания, не подпитываете его, не проявляете к нему заботы и любви, оно не может стать живым ростком. Из него не могут появиться свежие зелёные побеги.

Только ваша любовь и ваша осознанность способны сотворить это чудо... И тогда обязательно появятся цветы.

Здесь есть люди, которые несут в себе семена, посеянные другими мастерами. Мне не нужно сажать в них новые семена, все, что я должен сделать, – помочь их спящим семенам раскрыться.

Вы здесь не в первый раз. Вы были здесь всегда: может быть – с Заратустрой, может быть – с Пифагором, Гераклитом, Гаутамой Буддой.

Очень редко ко мне приходит человек, которому нужно новое семя, – поскольку вы все – древние люди. Почти невозможно не вступить в контакт с одним из чародеев духа, эти люди притягивают к себе. Так что в какой-то жизни, где-то вы, возможно, встречали Аль-Хилладжа Мансура, Джалаладдина Руми, Нанака или Кабира.

Очень редко я обнаруживаю человека, который бы уже не носил в себе семя, – но семя так и осталось семенем, вы не стали для него садовником. Кто-то, обладающий великим состраданием, должно быть, посадил это семя, но вы были недостаточно добры к себе.

Семя никогда не умирает.

Ты прекрасно понимаешь, что твой ум наполнен мусором. Самого этого понимания достаточно, чтобы избавиться от мусора.

Но, проблема, видимо, в том, что этот мусор приносит тебе выгоду, он каким-то образом ублажает твое эго.

Ты – романист, очень известный писатель.

Я работал со многими знаменитостями, и для работы это самые никудышные люди по той простой причине, что их известность стала частью их эго. Они не могут отбросить эго, потому что, если они отбросят эго, их известность исчезнет. И эта известность, эта слава, их имя стали для них так важны... Это стало тем, с чем они отождествляют себя в этом мире. Там, где миллионы людей не беспокоятся по этому поводу, им есть с чем себя отождествлять. Для них отбросить эго очень трудно – и их можно понять, это действительно трудно.

У человека, который не является знаменитостью, эго маленькое. На самом деле, есть у него эго или нет – разница небольшая, он уже *никто*. Он может отбросить эго, и, отбросив эго, он может получить все прекрасное существование и все его благословение. Становясь никем, он может открыть дверь во вселенную, к ее блаженству.

Но все знаменитости, которые приходят ко мне, терпят неудачу. Они отнимают больше всего времени – у них есть проблема, поскольку их эго связано с их именем и славой. Даже если они понимают, что это – мусор, этот мусор приносит им такую выгоду, что им хочется еще немного поцепляться за него – возможно, завтра или послезавтра они отбросят эго. Они все понимают, но расстаться с ним прямо сейчас – это для них чересчур.

Это напомнило мне об одном очень великом мыслителе, Вольтере. Он был знаменит в своей стране, а там все были убеждены в том, что, если вы добудете клочок одежды такого знаменитого человека, как Вольтер, вы можете сделать из него прекрасный медальон, который будет служить амулетом, предохраняющим от опасностей, болезни и смерти.

Так что, когда Вольтер выходил на улицу, он возвращался домой почти голым, потому что за ним следовали толпы людей, которые рвали на нем одежду, – страдала не только одежда, все его тело было исцарапано. Если он хотел пойти на вокзал или в какое-то другое место, ему приходилось просить защиты у полиции. Без защиты полиции сделать это было невозможно, потому что прийти на вокзал голым, исцарапанным, в крови – это не выглядело бы нормально... Хотя он в глубине души наслаждался этим, ведь он был единственным человеком во всей стране, которого так глубоко уважали. Это было уважение, оказываемое народом.

Но все в этом мире подвержено изменению. Имя и слава – просто мыльный пузырь. Он может становиться очень большим – и чем больше он становится, тем больше опасность, что он лопнет.

И пришел день, когда Вольтер был забыт; кто-то другой стал знаменитостью. Теперь не было никакой нужды в полицейской защите. Люди даже забыли, что он жив. В своих записных книжках он написал: «Те дни доставляли мне наслаждение. Но в то время я думал, что было бы лучше не быть известным, лучше просто быть никем, жить себе тихо, так как моя жизнь стала кошмаром. Но когда я стал никем, я впал в отчаяние, оттого что я утратил уважение, имя, славу».

И в своих заметках он не говорит, что именно этого он и хотел – быть никем. Он стал никем, но он не радовался этому, это было поражением.

Он написал: «Я умираю человеком, потерпевшим поражение». И в тот день, когда он умер, только четверо сопровождали его тело на кладбище. Из этих четверых одним был его пес, а трое были его соседи, и эти трое *вынуждены были* отнести его тело на кладбище, иначе оно начало бы разлагаться и жить рядом стало бы невыносимо. Надо было как-то избавиться от него. Поэтому единственным, кто следовал за гробом из любви, был пес.

И это был человек, за которым следовали тысячи людей, куда бы он ни пошел.

Твой мусор приносит тебе выгоду. Ты можешь выбрать его, нет никаких проблем. Но делай выбор осознанно: ты *выбираешь* мусор, потому что он приносит тебе выгоду. Если твой выбор будет осознанным, мусор не удержится в тебе надолго. Не борись с ним, борьба не поможет.

Или, если ты достаточно мужественен, пойми одну простую вещь: даже если ты напишешь сотни романов, внутри тебя все равно останется рана, которая будет болеть двадцать

четыре часа в сутки, и вся твоя жизнь будет растрчена на страдания только ради того, чтобы ублажить несуществующее эго. Завтра ты умрешь, а послезавтра никто не вспомнит о тебе. Сколько писателей было в этом мире? И кому сегодня до них есть дело? И все они, должно быть, так же страдали, поскольку то, что они делали, было мусором.

В тебе скопилось много мусора. Но если ты можешь найти в себе немного мужества и выбросить весь этот мусор, очистить себя, возможно, из тебя получится нечто прекрасное, что может оказаться полезным для человечества, что может запомниться на века, и не только запомниться, но и оказать определенное трансформирующее воздействие на людей.

Но все то, о чем ты пишешь, весь этот мусор – это просто журналистика. Завтра никому не будет дела до сегодняшней газеты.

Когда-то я был знаком с одним пенсионером, который был немного эксцентричным... Люди, вышедшие на пенсию, становятся эксцентричными, поскольку им нечего делать. А никто из них не хочет быть бесполезным – это причиняет боль. Никто не хочет быть обузой.

В семье до старого человека никому нет дела. В действительности, от таких людей хотят избавиться, так как они доставляют ненужные хлопоты. У молодых – своя собственная жизнь, свои радости, свои развлечения, а эти старики все время вмешиваются в их жизнь, осуждают их, заставляют их чувствовать себя виноватыми или постоянно раздраженными. И старикам нечего делать; двадцать четыре часа в сутки они сидят дома. Естественно, им нужна какая-то работа, вот они и становятся великими критиками, они критикуют все.

Этот старик часто приходил ко мне. Я работал в университете – один или два часа я преподавал в университете, а затем возвращался к себе. Он приходил ко мне, и мне нравилось слушать его. Он был очень счастлив со мной, он говорил: «Ты – единственный человек, у которого есть терпение слушать меня, больше до меня никому нет дела. Я говорю такие важные вещи, а никому это не интересно». Но как долго я мог выносить его?

Поэтому я стал давать ему газеты и журналы, чтобы он читал их, погружался в чтение и оставлял меня в покое. Иногда случайно я давал ему старую газету. Он начинал читать ее – и очень увлекался ею, – а затем смотрел на дату. «О Боже, я дал ему старую газету!» – спохватывался я и говорил ему:

– Это старая газета. Я дам тебе другую, свежую.

А он отвечал:

– Это не имеет значения – почти на девяносто процентов новости те же самые. А из-за десяти процентов стоит ли беспокоиться? Для меня это все равно. Когда тебя нет дома, я прихожу и спрашиваю о тебе у садовника. Он не разрешает мне входить в твой кабинет, но он приносит мне газеты, и я сижу в саду. И иногда он приносит газеты годичной давности! Но я говорю, что для меня это не имеет значения; происходит всегда все одно и то же, поэтому я читаю любые газеты. Даже твой садовник говорит мне: «О Боже, этой газете уже год. Подожди, скоро придет мой хозяин, и я принесу свежие газеты». А я говорю: «Не стоит беспокоиться, я просто наслаждаюсь чтением». Везде происходит одно и то же: кого-то убили, на кого-то напали, кто-то покончил с собой, кто-то совершил террористический акт, где-то сменилось правительство. Меня не интересует, кто находится у власти в Бразилии, – какая мне разница?

Мой садовник сказал мне:

– Этот старик – философ.

– С чего ты взял, что он – философ? – спросил я.

Он ответил:

– У него очень философское отношение ко всему: он читает газету годичной давности и читает ее так внимательно. И когда я спрашиваю его об этом, он говорит: «Какая разница? Время проходит. Всего лишь год назад это было новым, а то, что ново сегодня, будет старым

через год. И что касается меня, то это только вопрос того, как провести время, поэтому мне все равно, что читать».

Я бы хотел, чтобы ты прежде всего был чистым, невинным, безмолвным. И тогда, если из этого безмолвия что-то родится, это будет вкладом во вселенную. В противном случае ты будешь продолжать писать романы, рождающиеся из мусора, и они будут продаваться, поскольку людям же нужно что-то читать, а затем выбрасывать. Но они не знают, что кто-то вложил в это свою жизнь, потратил свою жизнь на написание этих романов. Кто-то упустил свою буддовость.

Выбор – за тобой.

Его нельзя никому навязать.

Я могу лишь дать тебе намек – *время* пришло.

И ты достаточно зрел: ты написал все эти романы, и ты знаешь, что все это мусор.

Это ясно, ведь люди любят читать *что угодно*. Для книжных киосков на вокзалах и в аэропортах нужен мусор; мусор нужен везде, так как люди нуждаются в мусоре. Но зачем тебе попусту тратить свою жизнь?

А у тебя есть возможность дать рождение чему-то действительно значительному – но нужен прорыв. Тебе нужно разорвать этот порочный круг.

Ты должен забыть то, чем ты занимался, забыть имя и славу и все, что она приносит тебе.

Просто будь никем, наслаждайся тем, что ты никто.

И я говорю тебе: в том, чтобы быть никем, есть свобода.

И в один прекрасный день ты обнаружишь, что семя внутри тебя начало прорастать. И тогда, если что-то из твоего собственного переживания окажется записанным тобой, это будет значительным для тебя, это будет значительным для других. Все, что действительно может сделать жизнь немного более красивой, немного более музыкальной, немного более поэтичной, поможет и тебе тоже. И это возможно только благодаря твоему росту.

Ты можешь собирать всевозможную информацию – прочитать десять романов и написать одиннадцатый, – это один путь, по которому идут все писатели, поэты, художники. Но все они оказываются людьми третьесортными, и они будут забыты.

Нечто значительное появляется только из твоего сокровенного существа.

Но перед этим ты должен выбросить весь мусор; мусора так много, а семя такое маленькое – оно затерялось в мусоре.

Я надеюсь, что ты сможешь сделать то, о чем я говорю, иначе я бы этого не говорил.

Глава 3. Нет другого пути, кроме жизни

Первый вопрос:

Ошо,

Как получается, что все идет так хорошо?

В этом вопросе нет ничего смешного.

Он затрагивает что-то чрезвычайно важное, связанное с человеческим страданием, человеческой болью, человеческой реальностью. Он вызывает смех, потому что кажется абсурдным спрашивать, отчего дела идут так хорошо.

Мы привыкли к тому, что дела никогда не идут хорошо.

Нам хорошо знакомы страдание, боль, тьма, бессмысленность, вся трагедия человеческого существования. Это вошло в нашу плоть и кровь; мы принимаем это так, как будто это наша природа.

Если дела идут плохо, это кажется естественным.

Если дела не идут плохо, тогда, должно быть, что-то не так, – как получается, что дела идут так хорошо? Мы забыли язык благополучия, мы забыли вкус блаженства.

Мы забыли нашу собственную природу.

А дела *должны* идти хорошо – это в природе вещей; для того, чтобы они шли хорошо, не нужно никакой причины.

Если вы здоровы, вы же не идете к врачу и не спрашиваете его: «Что со мной? Я здоров». Вы идете к врачу, когда вы *нездоровы*, когда вы больны.

Когда люди молоды, они не спрашивают: «В чем смысл жизни?» В их юности, в переполняющей их энергии есть достаточно смысла, достаточно значительности. Молодые люди пока еще способны любить. Они пока еще способны танцевать, петь, веселиться. Смерть еще не отбросила тень на их жизни.

Как только человек начинает спрашивать: «В чем смысл жизни?» – это означает, что он стал старым, – неважно, в каком возрасте. Его вопрос ясно показывает, что он утратил контакт с жизнью, утратил контакт с любовью, утратил контакт с жизненной силой, и, куда бы он ни посмотрел, повсюду – пустота. Для него стал важным вопрос: зачем он живет? Фактически, он умер; его жизнь превращается в прозябание.

Как только человек спрашивает: «В чем смысл жизни?» – это уже вопрос мертвеца, который все еще дышит, чье сердце все еще бьется, но он живет как робот. Вся поэзия, все краски жизни исчезли... Больше нет никаких рассветов. Кажется, что ночь вечна. Кажется, что ему приснились все те дни, когда он видел свет, они уже не воспринимались как реальные.

Именно старость, когда смерть совсем близко, порождает вопрос: «В чем смысл жизни?»

Но когда вы живы, когда смерть далеко за горизонтом вашего поля зрения, кто беспокоится о смысле жизни? Вы *проживаете* ее, она вся в *вашем распоряжении*, вы *поете* ее, вы *танцуете* ее. Она в каждом вздохе, в каждом ударе вашего сердца.

Следует четко понять вот что: люди, которые задают так называемые великие вопросы о смысле жизни, о смысле самого существования, о смысле любви, о смысле красоты, считаются великими философами, но они уже одной ногой стоят в могиле. И прежде, чем исчезнуть в своих могилах, они поднимают все эти вопросы.

Короче, один из великих эстетиков, великий философ эстетики, посвятил всю свою жизнь одному-единственному вопросу: «Что такое красота?» В этом столетии он стоит особняком, как высокая вершина, ему нет равных. Его преданность теме красоты тотальна. Он писал о красоте, говорил о ней, учил красоте, мечтал о красоте – вся его жизнь вращалась вокруг вопроса: что такое красота?

Я читал его работы, и все время у меня было ощущение, что этот человек, должно быть, слеп – только слепой может спрашивать: «Что такое красота?»

И почти целое столетие никто не поднимал вопроса о том, был Кроче слепым или нет. Я говорю, что он определенно был слепым. Возможно, у него и были глаза, как у вас, но у него не было никакой способности к восприятию, никакой чувствительности. Он задавал вопрос: «Что такое красота?» – и продолжал искать ее, в то время как все существование наполнено красотой.

Даже самая маленькая травинка прекрасна. Повсюду вокруг нас – цветы и звезды, птицы и деревья, реки и горы, и прекрасные человеческие существа.

Как мог человек с таким интеллектом, как у Кроче, не понимать простой истины, что красоту нужно чувствовать, а не размышлять о ней? Вы должны *видеть* ее, вы должны переживать ее. Вы способны творить ее.

Но это такая тайна, что она не поддается объяснению.

Ее нельзя ограничить каким-либо определением.

И дело всей жизни Кроче доказывает только одно: этот несчастный человек ни разу не пережил ни одного мгновения красоты, иначе он перестал бы об этом спрашивать. Он предпочел бы посвятить свою жизнь созданию красоты, переживанию красоты, ликованию вместе со звездами и луной, цветами и птицами. Но он попусту растратил всю свою жизнь.

И к чему же он пришел в конце концов? Он пришел к выводу, что красота неопределима. Это всякий мог бы сказать ему в самом начале. Не было никакой необходимости попусту растрачивать прекрасную жизнь, драгоценный дар существования.

Нельзя быть уверенным, что жизнь будет дана вам еще раз; вы даже не знаете, почему она была вам дана в этот раз. Достойны ли вы ее? Заслужили ли вы ее? Обязано ли было существование давать вам ее? Похоже, что это действительно дар, подарок от щедрого существования, которое не беспокоится о том, заслуживаете вы его или нет. Оно не спрашивает о ваших достоинствах, не интересуется вашим характером, вашей нравственностью... не предъявляет никаких требований; оно просто дает вам жизнь безо всяких условий. Оно дает вам жизнь не как партнер по бизнесу, оно не ожидает получить от вас что-либо взамен, оно предоставляет вам полную свободу делать с ней все, что вам заблагорассудится.

Все и должно идти прекрасно, легко, все и должно складываться благополучно. Это естественно.

Если что-то не получается, значит, с вами что-то не в порядке, что-то нарушено в вас.

Вам нанесли вред великие моралисты мира, богословы, пророки и посланники Бога. Они так много требовали от вас. Они забрали всю вашу свободу. Они требовали, чтобы вы делали невозможные вещи, и естественно, вы терпели поражение. Это оставило в вас раны – раны от неудач, раны от осознания своей неполноценности, недостойности. И вы живете со всеми этими ранами. Естественно, все идет не так.

И виновата не ваша природа, виноваты ваши великие благодетели – люди, которые обещают вам: «Мы – ваши спасители». В действительности, именно эти люди сделали человечество больным, именно они способствовали возникновению нездорового человеческого ума, больной психики.

Требование чего-то неестественного обязательно создает чувство вины. Если вы не выполняете этого требования, вы чувствуете себя виноватыми оттого, что не похожи на человеческих существ, что вы ведете себя как неразумные существа, как животные, что вы являетесь грешниками, что вы поступаете не так, как советуют вам пророки и посланники, представляющие Бога.

А если вы пытаетесь следовать им, вы попадаете в ловушку. Если вы следуете им, вам приходится идти против природы, а природа – это *все*, чем вы являетесь.

Вы не можете идти против себя, поэтому на каждом шагу вас ждет неудача.

С каждым шагом вы становитесь все более и более шизофреничными: малая часть вас становится священником, осуждая всю вашу природу. Все, что вы делаете, оказывается порочным.

Жизнь становится кошмаром.

И вот так человек жил тысячи лет: жизнь, которая могла бы быть прекрасным переживанием, была превращена в невыносимую пытку, в кошмарный сон.

Даже если вы и хотите пробудиться, вы не можете. Этот кошмарный сон глубок и продолжителен – и он не только ваш, он идет от ваших предков, поколение за поколением культивировали его. Корни его такие же древние, как и само человечество, вы не можете бороться с ним.

Вас разрывает на части. Вы не можете бороться с вашей природой, вы не можете бороться с вашим больным наследием.

И я заявляю, что каждый человек на свете живет под бременем больного наследия. Не имеет значения, является ли он христианином, или индуистом, или мусульманином, – все это различные названия одного и того же недуга.

Если вы следуете вашей природе, вы сами осуждаете себя. Все общество осуждает вас. Весь мир против вас, и вы сами тоже против себя.

Но вы должны жить согласно вашей природе.

Фридрих Ницше сделал одно интересное открытие. Он сказал, что все религии мира выступают против секса, но они не преуспели в уничтожении секса, иначе откуда бы продолжали появляться все эти люди? Весь этот демографический взрыв... Если бы ваши священники преуспели, церкви были бы пустыми. Но в мире насчитывается семьсот миллионов католиков – ясно, что католические священники потерпели полную неудачу.

Ницше прав. Религии не преуспели в уничтожении секса. Но они преуспели в одном: они сделали секс отравой, сделали его ядовитым. Секс перестал быть радостью, чем-то красивым, священным. Им удалось создать из него огромное чувство вины. И так обстоят дела не только с сексом, но и со всеми вашими природными инстинктами – все было отравлено.

Поэтому, когда все идет не так хорошо, вы замечательно себя чувствуете.

Когда все хорошо, вам становится не по себе: «В чем дело?»

Если идут войны, это совершенно нормально. Если происходят беспорядки между индусами и мусульманами, если мусульмане и иудеи убивают друг друга, это совершенно нормально. Но если вдруг иудеи и мусульмане начнут петь, танцевать и радоваться вместе, весь мир будет потрясен: «Что происходит? Эти люди сошли с ума?»

Мы страдаем от дурного наследия, и пока мы не освободимся от прошлого, мы не сможем жить мирно.

Люди, которые собрались здесь рядом со мной, и мои люди во всем мире отбросили прошлое. Они больше не индусы, не христиане, не буддисты, они просто человеческие существа. И они пытаются жить, полностью следуя своей природе, естественно, без какого-либо чувства вины и греха.

Все идет просто замечательно.

Они живут свободными.

Прошлое – это наше рабство, и если прошлого слишком много, оно начинает создавать наше будущее. Мы сдавлены с двух сторон прошлым и будущим, и будущее является ни чем иным, как воспроизведением прошлого.

Краткое мгновение настоящего почти бессильно перед двумя вечностями, сжимающими его с двух сторон.

И как только вы освобождаетесь от прошлого, приходит потрясающее осознание: вы свободны и от будущего тоже.

А ваша свобода от будущего означает, что теперь вы свободны сами творить ваше будущее, оно не будет создаваться прошлым. Оно будет создаваться вашей природой, вашим разумом, вашей медитацией, вашим безмолвием, вашей любовью.

В окружении моих саньясинов дела просто обязаны идти легко, потому что у них нет чувства греха, нет чувства вины, нет навязанной морали.

Я развращаю людей настолько сильно, что они становятся невинными.

Люди живут невинно. У них нет никаких моральных правил, никаких десяти заповедей, никаких священных писаний. У них есть только их собственная интуиция и свобода творить свое будущее, жить в согласии со своей природой без всякого страха. Потому что нет никакого ада, и нет никакого Бога, который решал бы, правильно вы поступаете или неправильно.

Если вы поступаете правильно, ваша жизнь будет радостной; если вы поступаете неправильно, ваша жизнь будет несчастной.

Нет нужды ни в каком Боге. По сути, каждый ваш поступок является решающим.

Поэтому вы можете определять ваш путь: если вы двигаетесь в правильном направлении, в вашей жизни будет появляться все больше и больше цветов, у вас будут вырастать все более и более мощные крылья. Ваш полет к звездам будет становиться более легким.

А если вы делаете что-то неправильное, сама ваша природа скажет вам, что это неправильно, потому что вы будете страдать от последствий ваших неправильных действий *здесь и сейчас*. Вам не придется ждать Судного дня.

Что за идиотская идея – Судный день: однажды все восстанут из своих могил! Только представьте себе, что произойдет: все скелеты вылезут из могил, будет такая толкотня. Там, где вы сидите, под вами находится как минимум десять скелетов. И когда все эти скелеты поднимутся из могил, яблоку негде будет упасть; и будут разноситься жуткие крики, вопли и стоны. Даже бедному Богу будет очень трудно определить, кто есть кто, – потому что вокруг будут одни скелеты.

Кроме того, еще нужно решить, кто отправится в рай, а кто – в ад... Разве на это хватит одного дня? Каждый человек совершает миллионы поступков, хороших и плохих, которые надо взвесить, а Бог только один – и к тому же не слишком умный.

Джордж Бернард Шоу как-то сказал: «Уже сама толпа наводит меня на мысль, что судить будет трудно. К тому же, половину толпы будут составлять женщины... которые сделают это почти невозможным!»

Возможно, именно поэтому Судный день не случился и не случится. Иисус говорил своим ученикам: «Скоро, в *этой* жизни, вы увидите, как наступит Судный день». Это должно было случиться еще при жизни учеников Христа. Это значит, самое большее, в течение семи-десяти лет.

Прошло уже две тысячи лет, и с каждым днем число скелетов продолжает расти.

Я думаю, что Бог передумал.

Теперь уже не будет никакого Судного дня.

Я думаю, что каждый поступок выносит свой собственный приговор, и это более научно. Зачем накапливать поступки к какому-то определенному дню, а затем решать? И зачем решать извне, когда есть возможность решать изнутри? Каждый поступок содержит в себе последствия, к которым он приводит.

Вы можете это вычислить: если ваша жизнь несчастна, значит, вы делаете что-то неправильное; а если ваша жизнь – вихрь веселья, значит, вы делаете все то, что и следует делать. Так что вам решать, сделаете вы свою жизнь ярким праздником или превратите ее в сплошное страдание; никто не решит это за вас. Вы являетесь и деянием, и судьей. И это представляется более научным, более простым.

Если все идет хорошо, радуйся. И помни: раз дела идут хорошо, они могут и дальше идти все лучше и лучше, потому что благополучие тоже имеет глубину. Просто выясни, что именно

делает твою жизнь блаженной, спокойной, тихой, счастливой – простая арифметика, – и твоя жизнь может стать святой жизнью.

Я считаю, что если ты живешь в радости, ты – святой человек.

Тебе нужно сделать только одно: умереть для прошлого, чтобы ты смог возродиться в новом настоящем и свободном будущем.

Второй вопрос:

Ошо,

Есть ли другой путь – без смерти и опасности?

Прежде всего, нет никакой смерти.

Смерть – это иллюзия.

Умирает всегда кто-то другой, вы же никогда не умираете. Это значит, что смерть всегда видится извне, это взгляд со стороны. Те, кто видит свой внутренний мир, единодушно заявляют, что смерти нет.

Вы не знаете, что составляет ваше сознание; оно не состоит из дыхания, оно не состоит из биения сердца, оно не состоит из кровообращения. Поэтому, когда врач говорит, что человек умер, это является заключением стороннего наблюдателя; он может лишь сказать: «Этот человек больше не дышит, у него нет пульса, его сердце не бьется». Эквивалентны ли смерти эти три факта? Нет.

Сознание – это не ваше тело, не ваш ум, не ваше сердце.

Поэтому, когда человек умирает, он умирает для вас, но не для себя самого. Для себя самого он просто меняет дом, возможно, переезжает в квартиру получше. Но поскольку старая квартира оставлена, а вы ищете его в старой квартире и не находите его там, вы думаете, что бедняга умер. Вам бы следовало сказать: «Бедняга исчез. И где он теперь, неизвестно».

В действительности, медицинская наука выходит за пределы своей компетенции, когда заявляет, что некий человек мертв. У медицинской науки нет еще такого права, потому что у нее нет еще определения того, что такое смерть. Она может только сказать: «Этот человек больше не дышит. Его сердце остановилось. Его пульс больше не прослушивается». Чтобы сделать вывод, что человек мертв, необходимо выйти за пределы того, что вы видите. Но поскольку наука не имеет никакого представления о сознании, смерть тела становится смертью существа.

Те, кто познал существо... А для этого не нужно умирать, вы можете просто двигаться внутрь. Это то, что я называю медитацией: просто двигайтесь внутрь и выясните, что является вашим центром, а в вашем центре нет никакого дыхания, никакого сердцебиения, никаких мыслей, никакого ума, никакого сердца, никакого тела, и все же *вы есть*.

Как только человек испытает переживание самого себя, переживание того, что он – *не* тело, *не* ум, *не* сердце, а чистое сознание, он поймет, что смерти нет, поскольку нет зависимости от тела.

Сознание не зависит от кровообращения. Оно не зависит от того, бьется сердце или нет, оно не зависит от того, функционирует ум или нет. Это совершенно иной мир, он не состоит из чего-то материального, он нематериален.

Поэтому прежде всего нужно понять, что смерти нет, – ее так и не удалось обнаружить.

А если смерти нет, то о какой опасности может идти речь?

Бессмертная жизнь не подвержена никакой опасности. Ваше бессмертие не зависит от вашего банковского счета; нищий так же бессмертен, как и император.

Что касается человеческого сознания, то это единственный мир, где существует подлинный коммунизм: все наделены равными качествами, и нет ничего, что может быть утрачено или отнято. Нет ничего, что может быть разрушено, уничтожено.

Нет никакой опасности.

Любое чувство опасности, незащищенности – это тень смерти.

Если вы посмотрите поглубже, вы увидите, что любое чувство опасности основано на страхе смерти. Но я говорю вам, что смерти нет, поэтому не может быть никакой опасности. Вы – бессмертные существа, *амритасья нутра*.

Провидцы древнего Востока говорили об этом так: «Вы – сыны бессмертия».

Они не были скупцами, как Иисус Христос, который говорил: «Я – единственный сын Бога». Странная идея... Стыдно даже говорить такое: «Я – единственный сын Бога». А как быть со всеми остальными? Они все не дети Бога? Иисус выносит приговор всему миру! Он – сын Бога, а чьими сыновьями и дочерьми являются все эти люди? И странно, почему Бог остановился, дав рождение только одному ребенку? Он что, выдохся после первого же ребенка? Или он был сторонником контроля над рождаемостью?

Я спрашиваю папу римского и мать Терезу: «Должно быть, ваш Бог – сторонник контроля над рождаемостью, должно быть, он пользуется теми штучками, которые находятся у вас под запретом, – презервативами и всем остальным, а иначе, как такое возможно? Раз он родил одного сына, то, по меньшей мере, должна быть еще одна дочь – это ведь так естественно».

И за всю вечность... никаких развлечений.

Психологи говорят, что бедные люди производят больше детей по той простой причине, что у них нет других развлечений. Чтобы пойти в кино, нужны деньги, чтобы пойти в цирк, нужны деньги, чтобы пойти на пляж, нужны деньги. Для любого развлечения нужны деньги. А тут просто лег в постель и все – это единственное бесплатное развлечение, никто не требует за это деньги.

А чем занимается Бог? Он не может пойти ни на пляж, ни в цирк, ни в кино. Только сидит и постоянно скучает... И произвел на свет только одного сына? Это говорит о многом; возможно, он так разочаровался в этом единственном сыне, что решил дать обет безбрачия: «Я не собираюсь больше плодить идиотов».

Иисус учил на земле всего три года. Ему было тридцать три, когда его распяли, – великий спаситель, который не смог спасти самого себя. Бог, должно быть, испытал огромное разочарование: «Хватит! Больше никаких сыновей, никаких дочерей!»

Но на самом деле в том, что человек является единственным и у него отсутствуют соперники, есть элемент эгоизма.

Кришну можно назвать воплощением Бога, но он не сын – просто фотокопия.

Мухаммеда можно назвать пророком – он просто почтальон.

Однако Иисус – особенный, он единственный рожденный сын Бога. В этом есть определенная доля эгоизма.

Провидцы древности не были так эгоистичны. Они называли всех людей – в прошлом, настоящем и будущем – *амритасья нутра*, «сыновьями бессмертия». Они не ставили себя выше вас, они не претендовали на то, что они более святы, чем вы. В том, что касается сознания, они считали абсолютно всех людей равными, бессмертными.

Нет никакой опасности.

Нет нужды в каком-либо другом пути – да и нет никакого другого пути.

Жизнь – это и есть путь, который проходит через иллюзорные врата смерти.

Вы можете пройти через эти врата осознанно. Если вы достаточно медитативны, то вы можете пройти через смерть, прекрасно понимая, что вы просто меняете один дом на другой; вы можете войти в другое чрево, прекрасно понимая, что вы просто вселяетесь в другую квартиру, – и она всегда будет лучше прежней, потому что жизнь постоянно эволюционирует. И если вы можете умереть в состоянии осознанности, то, несомненно, ваша новая жизнь будет с самого начала протекать на очень высоком уровне.

И я не вижу тут никакой опасности.

Вы приходите в этот мир без чего бы то ни было, поэтому несомненно одно: вам ничего не принадлежит.

Вы приходите абсолютно голыми, но с иллюзиями. Вот почему каждый ребенок рождается со сжатыми кулаками, полагая, что он несет сокровища, – но в руках ничего нет. И каждый умирает с раскрытыми ладонями. Еще никому до сих пор не удавалось умереть со сжатыми кулаками. И родиться с раскрытыми ладонями тоже никому не удавалось.

Ребенок рождается со сжатыми кулаками, с иллюзиями, что он приносит в мир сокровища, но в его руках ничего нет. Вам ничего не принадлежит, так в чем же тогда опасность? У вас ничего нельзя украсть, ничего нельзя отнять.

Все, чем вы пользуетесь, принадлежит миру.

И в один прекрасный день вам придется оставить все здесь.

Вы ничего не сможете взять с собой.

Я слышал, что в одном городе жил богач, который был таким скрягой, что никогда не подавал милостыню нищим. Все нищие знали об этом, и когда они замечали, как кто-то просил подаяние возле его дома, они говорили: «Похоже, это новичок из какой-то другой деревни. Надо сказать ему, что здесь он ничего не получит».

Жена этого человека умирала, но он не собирался вызывать врача. У него был только один друг, потому что иметь много друзей – значит подвергать себя лишней опасности: кто-то может попросить денег, кто-то может попросить еще чего-нибудь. У него был только один друг, который был таким же скрягой, поэтому в их отношениях не было никаких проблем. Они оба понимали психологию друг друга – никаких конфликтов, никаких вопросов, никаких просьб, приводящих к неловкой ситуации.

Его друг сказал:

– На этот раз нужно позвать доктора – твоя жена умирает.

Богач ответил:

– Все в руках Господа. Что может сделать доктор? Если ей суждено умереть, она умрет. Зачем эти ненужные хлопоты – платить доктору за лекарства, за что-то еще. Я человек верующий, и если ей не суждено умереть, она поправится и без доктора. Только Бог – настоящий врач, больше никто. И я верю в Бога, потому что он никогда не просит вознаграждения.

Жена богача умерла.

– Видишь, – сказал его друг, – ты пожалел совсем немного денег и не позвал врача.

– Немного денег? – возмутился богач. – Деньги есть деньги, и не может быть вопроса о том, много их или немного. А смерть приходит к каждому.

Друг рассердился.

– Это уж чересчур, – сказал он. – Я тоже скуп, но если моя жена будет умирать, я пошлю хотя бы за аптекарем – хоть кого-нибудь да позову. Ты действительно очень жадный. Что ты собираешься делать со всеми этими деньгами?

– Я собираюсь взять их с собой, – ответил богач.

– Никто никогда не слышал о таком, – заметил друг.

Богач сказал:

– Просто никто никогда не пробовал. – Это тоже было правдой. – Вот увидишь. Я возьму все с собой, у меня есть план.

– Ну так открой мне свой секрет, – попросил друг. – Ведь однажды и мне придется умереть, а ты все-таки мой друг.

– Дружба дружбой, но об этом секрете я не могу тебе рассказать, – ответил богач. – И этот секрет такой, что ты не сможешь им воспользоваться, когда ты будешь умирать, – им нужно воспользоваться раньше, поскольку тебе придется отнести все свои деньги, все свое золото и бриллианты, все, что у тебя есть, к реке.

– Что ты имеешь в виду? – спросил друг.

– Ты садишься в лодку, – продолжил богач, – добираешься до середины реки, прыгаешь со всеми своими деньгами в воду и тонешь – вот так ты все забираешь с собой. Попробуй! Никто еще не пробовал. Если не получится – не страшно, потому что все уходят без денег. А если получится, то ты будешь первопроходцем, первым, кто достигнет рая с целым мешком денег. И все эти святые будут смотреть на тебя широко раскрытыми глазами: «Этот человек сделал такое!»

– Но ведь это означает, что нужно умереть, – заметил друг.

– Естественно, – ответил богач. – И нужно быть в добром здравии. Когда ты уже умираешь, очень трудно нести с собой такой тяжелый груз. Я собираюсь сделать это в ближайшее время – моя жена умерла, и теперь у меня никого больше нет.

Но даже если вы прыгнете в океан со всеми своими деньгами, деньги останутся в океане, ваше тело останется в океане.

Вам придется уйти самим по себе, просто как сознание.

Вам ничего не принадлежит, потому что вы ничего не принесли в этот мир и ничего не можете взять с собой отсюда.

Жизнь – это единственный путь.

Смерть – это единственная иллюзия, которую надо понять.

Если вы можете жить полной жизнью, понимая смерть как иллюзию – не потому что я так говорю, а благодаря вашему собственному переживанию в глубокой медитации, – то живите настолько тотально, насколько это возможно без всякого страха. Никакой опасности нет, потому что даже смерть иллюзорна.

Реально только живое существо в вас.

Очищайте его, оттачивайте, делайте его полностью осознанным, чтобы даже самая малая часть его не была погружена во тьму, и тогда вы станете светящимися, вы станете пламенем.

Это единственный путь, альтернативы ему нет.

Да она и не нужна.

Третий вопрос:

Ошо,

Быть открытым и быть свидетельствующим – две разные вещи. Это так, или это двойственность, созданная моим умом?

Ум всегда создает двойственность, иначе открытость и свидетельство не были бы двумя разными понятиями.

Если вы открыты, вы будете свидетельствовать.

Не будучи свидетелями, вы не можете быть открытыми; или, если вы свидетели, вы будете открытыми, потому что быть свидетелем и в то же время оставаться закрытым невозможно. Так что это просто два слова.

Вы можете начать со свидетельства – и тогда открытость придет сама собой; или вы можете начать с того, что откроете свое сердце, все окна, все двери – и тогда свидетельство придет само собой. Но когда вы просто думаете, ничего не предпринимая, открытость и свидетельство кажутся отдельными.

Ум не может функционировать вне рамок дуальности. Дуальность – это способ мышления.

В безмолвии любая двойственность исчезает.

Именно в безмолвии рождается переживание единства всего сущего.

Например, очевидно, что день и ночь – два разных явления, но их все же не два. Есть животные, которые видят ночью. Их глаза более чувствительны, они могут видеть в темноте. Для них никакой темноты не существует. Эти животные не могут открыть глаза днем, поскольку их глаза настолько чувствительны, что солнечный свет может причинить им боль. Поэтому то, что для вас является днем, для этих животных является ночью – их глаза закрыты, сплошная тьма. А когда для вас наступает ночь, для них – это день. Весь день они спят и всю ночь бодрствуют.

Если вы спросите ученого и логика, вы увидите разницу. Если вы спросите логика: «Что такое день?» – он ответит: «То, что не является ночью». А что не является ночью? Это замкнутый круг. Если вы спросите: «Что такое ночь?» – логик скажет: «То, что не является днем».

Вам нужен день, чтобы дать определение ночи, вам нужна ночь, чтобы дать определение дню. Странное разделение, странное противопоставление. Если нет дня, как можно рассуждать о ночи? Если нет ночи, как можно рассуждать о дне? Это невозможно.

Спросите ученого, он ближе к действительности, чем логик. Для ученого темнота – это меньшее количество света, а свет – меньшее количество темноты. Это одно явление – так же как температура. У кого-то температура сорок три градуса, и при этом он готов выйти из дома. У кого-то температура тридцать шесть и шесть – для человека это нормальная температура. А у кого-то она падает ниже тридцати пяти – и с такой температурой человек тоже способен передвигаться.

Ваше существование колеблется в очень небольшом диапазоне – между тридцатью пятью и сорока тремя градусами. Всего лишь восемь градусов... Ниже – смерть, выше – тоже смерть; совсем небольшой отрезок, маленькое окно жизни.

Если бы у нас был прибор для измерения количества света и темноты, ситуация оказалась бы такой же, как в случае с теплом и холодом, – один и тот же термометр годится для измерения как тепла, так и холода. Холод – это меньше тепла, а тепло – меньше холода; это одно явление – здесь нет никакой дуальности.

Так же обстоит дело с темнотой и светом.

И это же верно для всех противоположностей, которые создает ум. Открытость, свидетельствование... Если ваш подход интеллектуален, эти два явления воспринимаются как очень разные. Вам кажется, что они не связаны друг с другом, поэтому как они могут быть одним целым? Но в переживании они – единое целое.

Четвертый вопрос:

Ошо,

Я являюсь твоим учеником два с половиной года и все это время очень хотел оказаться в твоём присутствии. Теперь я впервые встретился с тобой, и все изменилось. Мне хочется бежать от тебя. Я нахожусь в полном замешательстве.

Пожалуйста, прокомментируй эту ситуацию.

Это почти нормально.

Ты влюбляешься в меня. Мои слова привлекательны для твоего интеллекта. Твой ум чувствует себя удовлетворенным, и у тебя возникает желание побыть, пусть даже недолго, рядом со мной.

А затем – сильное потрясение... поскольку я оказался не человеком слов. Хотя я произнес больше слов, чем кто-либо другой в этом мире, тем не менее я заявляю, что я – не человек слов.

Мои слова подобны сетям для ловли рыбы.

Мое послание не передается словами.

Когда ты оказался рядом со мной, ты понял, что я – не рациональный, не логичный человек; ты пришел к иррациональному мистику.

Ты пришел сюда с определенным убеждением в своем уме, а здесь ты столкнулся с тем, что ум необходимо отбросить. Ты должен прыгнуть в неизвестное, относительно которого я не могу дать никаких логических обоснований и не могу привести никаких доказательств... кроме моего собственного присутствия.

Каждый, кто приходит сюда, пойманный моими словами, испытывает желание бежать, поскольку он приходит по одной причине, а находит здесь совершенно другую ситуацию – и не просто другую, а диаметрально противоположную.

Я не учитель. Я не философ. Меня не интересует создание систем и гипотез.

Моя цель – разрушить тебя, разрушить того, кем ты являешься, и тогда ты сможешь возродиться как существо.

Я здесь для того, чтобы уничтожить твою личность и дать рождение твоей индивидуальности.

Это естественная реакция, такое случается с каждым. Но убежать ты тоже не можешь. Самое большее, ты дойдешь до железнодорожного вокзала и вернешься назад. Ты можешь попробовать, и именно на вокзале ты развернешься и пойдешь в обратную сторону, сделав, таким образом, круг.

Попав в мои сети, ты уже не сможешь убежать.

Но я не буду тебя останавливать; попытка убежать пойдет тебе на пользу. Если ты попытаешься убежать, а затем вернешься, то, когда такое желание возникнет в следующий раз, оно уже не окажет на тебя никакого воздействия. Ты просто отбросишь его, потому что оно не работает.

Теперь тебе необходимо пройти весь путь, чего бы это ни стоило. Это может означать смерть эго, смерть личности; тогда тебе придется рискнуть.

Если бы ты не пришел ко мне, ты продолжал бы наслаждаться моими словами, но это было бы для тебя только заимствованным знанием. А я хочу, чтобы ты отбросил все заимствованные знания, в том числе и то, которое ты получил от меня.

Я хочу, чтобы ты стал знающим, провидцем.

Конечно, тебе придется пройти через огонь. Но этот огонь только издали похож на огонь. Чем ближе ты подходишь к нему, тем более прохладным он кажется. И в тот момент, когда ты будешь проходить сквозь огонь, тебя удивит то, что огонь может быть таким прохладным, таким освежающим.

С жизнью Моисея связана одна история, которую иудеи так и не смогли объяснить за четыре тысячи лет.

На горе Синай Моисей столкнулся с необыкновенным явлением, и он решил, что это как-то связано с Богом. Безусловно, это было весьма таинственное явление: перед ним был куст, охваченный пламенем, но он не горел, он был таким же зеленым, как любой другой куст. Цветы на нем были такими же сочными и свежими, как любые другие цветы, и все же этот куст был охвачен пламенем. Естественно, Моисею стало любопытно, и он захотел посмотреть на происходящее с более близкого расстояния. Он никогда не думал, что такое возможно: пламя поднималось над кустом – а куст оставался зеленым!

Моисей сделал несколько шагов, и, когда он подошел совсем близко, раздался голос:

– Сними свои туфли, Моисей! Ты вступаешь на святую землю, в священное место.

Моисей, дрожа, снял обувь. Он никого не видел, но, несомненно, это было удивительное переживание. Он подумал, что это был голос Бога.

Я могу объяснить эту историю так: каждый, кто проходит через трансформацию, приближается к такому же пылающему кусту, но этот огонь – прохладный. Он питает куст, а не уничтожает его. Этот огонь только выглядит как огонь, это прохладное пламя жизни. Для жизни Моисей использует слово «Бог» – вот и вся разница. Разница только в словах, больше ни в чем.

Ты пришел сюда, ты увидел огонь. И сразу же появилась мысль: «Беги отсюда как можно скорее, иначе ты сгоришь».

Не волнуйся. Если я не сгорел, если все эти люди, которые находятся здесь, не сгорели, то и ты тоже не сгоришь.

Это прохладный огонь, он трансформирует.

Он срывает с тебя маску и помогает тебе обнаружить твое истинное лицо.

Но тем не менее твоя свобода простирается до вокзала.

Пятый вопрос:

Ошо,

Я слышала, как ты рассказывал про мистика из Шри-Ланки, который попросил своих последователей встать, если они хотят прийти к просветлению коротким путем.

Я хочу, чтобы ты знал, что я жду случая встать, как только услышу твой призыв, хотя я знаю, что, вероятнее всего, ноги мои будут дрожать, тело покроется потом, а сердце забьется как сумасшедшее.

Сначала я еще раз расскажу эту историю.

На Шри-Ланке умирал мистик. Собрались тысячи его последователей. И прежде чем закрыть глаза, он сказал:

– Если кто-то хочет пойти со мной, я могу его взять с собой – и это *самый* короткий путь. Вам ничего не нужно будет делать. У меня мало времени. Любой, кто хочет пойти самым коротким путем... В противном случае вам придется прожить так много жизней, чтобы достичь просветления. Я же могу провести вас через черный ход. Кто хочет, встаньте!

Наступила абсолютная тишина, слышно было, как муха пролетит. Все переглядывались, каждый смотрел на другого и думал: «Этот человек слушал его сорок лет, возможно, он готов». Но тот смотрел на кого-то еще, ведь ему нужно было решить столько проблем: дела шли не очень хорошо.

У каждого были проблемы: кому-то надо было выдать замуж дочь, у кого-то был беспутный сын, у кого-то в суде рассматривалось дело и сейчас не время было становиться просветленным, поскольку сначала необходимо закончить это дело, и так далее и тому подобное.

Но один человек поднял руку. Он сказал:

– Я не могу встать, потому что я еще не готов пойти с тобой, но мне трудно устоять перед искушением узнать, где находится черный ход, – ведь если когда-нибудь я буду готов, я смогу пойти кратчайшим путем. Прямо сейчас я не готов – пусть тебе будет совершенно ясно, что я не пойду с тобой, – но просто скажи нам, где находится этот черный ход.

Старый мастер ответил:

– Этот черный ход таков, что вы можете войти туда только вместе со своим мастером, но не в одиночку. Это очень узкий проход, только один человек может пройти через него за один раз. Если вы готовы раствориться в существе мастера, тогда нет никаких проблем – один или тысяча, все пройдут через этот ход как одно существо. Но в одиночку вы не сможете отыскать этот ход.

Итак, ты хочешь, чтобы в один прекрасный день я пригласил тебя пройти через черный ход. И ты думаешь, что ты готова и встанешь, хотя даже при мысли об этом ты покрываешься потом, твои ноги дрожат, а сердце бьется быстрее.

Мне кажется, что ты – тот человек, который поднял руку!

И в один прекрасный день я приглашу вас, и я знаю, что тогда ты снова лишь поднимешь руку... а может быть, ты даже и руку не поднимешь. Потому что я – человек иного типа. Тот мастер был очень сострадательным.

Я бы взял даже такого человека – по крайней мере, он поднял руку. Этого достаточно – зачем заставлять его вставать? Достаточно просто поднять руку.

Поэтому запомните: когда я захочу взять вас с собой, я просто попрошу вас поднять руку. Вам нужно быть бдительными и приготовиться, потому что с дрожащими ногами и покрытыми испариной будет трудно войти через черный ход.

Этот черный ход нуждается в людях, которые могут исчезнуть в *ничто*, танцуя, распевая, празднуя.

Так что учитесь петь, учитесь танцевать, учитесь праздновать.

В любой день я могу пригласить вас.

И я не переношу запаха пота. У меня на него аллергия – вам придется прекратить потеть.

И если вы будете дрожать, этот черный ход не позволит вам пройти, он сразу же увидит, что людей – двое. Вы должны быть абсолютно спокойными и быть одним целым со мной... Не должно быть никакой дрожи.

И на этот раз я не буду просить вас вставать. В прошлый раз это было моей ошибкой.

Глава 4. В конце нет никаких слов

Первый вопрос:

Ошо,

Сидя перед тобой и чувствуя, как твои слова текут ко мне из твоего огромного сердца, я обнаружила, что мое собственное сердце открывается и принимает солнце и луну твоего существа. На меня снизошел великий покой вместе с неведомой мне ранее безмятежностью, и я почувствовала, что нахожусь в объятиях самого существования.

Я склоняюсь перед тобой в благодарности и целую землю, которая дала тебе жизнь. Я поднимаю руки к звездам и пою: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Благодаря тебе я живу, осознавая красоту, радость, чистоту любви, которая является самой сутью существования.

Эти слова не в состоянии выразить всю искренность чувств, которые рождаются в глубине моего существа. Я склоняюсь перед тобой снова, снова и снова, я танцую, пою и ликую. Спасибо, о Возлюбленный Мастер, спасибо, спасибо, спасибо! Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Еще многое должно случиться.

То, что случилось с тобой, – потрясающе.

То, что случится, будет еще более потрясающим, но помни одно: этого всегда мало.

Существование так изобильно – мы не в состоянии его исчерпать. Оно неистощимо в своей красоте, в своем блаженстве, в своем благословении.

Тебе трудно сказать о том, что происходит с тобой. А это всего лишь начало – только подумай о трудностях тех, кто ушел далеко вперед. Наступает момент, когда невозможно даже сказать о том, что это может быть высказано. Любые попытки сказать об этом будут все еще словами. Они будут все еще определениями, пусть и отрицающими возможность что-то сказать об этом.

И в этом моменте только тишина, полная тишина остается единственным вашим выражением.

Это ваша благодарность, ваша признательность, это ваше аллилуйя... танец, который невидим, песня, которая неслышна, красота, которую невозможно выразить, описать.

И только тогда, когда мы подходим к точке, где слова должны быть отброшены, начинается то, что я называю «религиозностью».

Я не говорю, что вы должны отречься от мира, но я призываю вас двигаться к тому моменту, когда вы будете вынуждены отказаться от слов.

В Библии сказано: «В начале было слово». Никто не знает о начале. Никто не может знать о начале, потому что никто не был свидетелем начала. Если бы кто-то был свидетелем начала, то это не было бы началом, поскольку там уже кто-то был.

В отношении начала Библия, может быть, права, а может быть, и нет, но я говорю вам: в конце нет никаких слов – и это за тысячи прошедших лет было засвидетельствовано тысячами мистиков.

И в тот момент, когда вы начинаете осознавать, что слова оставляют вас, что граница между словами и безмолвием пройдена... вы переживаете потрясающую невинность, новое детство. Впервые вы можете понять то, что нельзя выразить словами. Вы можете понять послание ветра, который дует в вершинах сосен, вы можете понять поэзию журчащей воды.

Освободиться от языка – значит освободиться от всех человеческих ограничений.

Язык – самая большая тюрьма.

Я доволен тем, что тебе очень трудно выразить словами свои переживания. Постепенно будет становиться все яснее и яснее, что нет никаких слов, никакого языка, никаких концепций, чтобы объяснить это, чтобы выразить это.

И только тишина – единственный ответ на все ваши вопросы, единственная возможность преодолеть все преграды и встретиться с существованием.

Когда слова исчезают, ум вам больше не нужен. Впервые вы входите в контакт с существованием напрямую, без посредничества ума – это и есть просветление. И все не так уж далеки от этого, этого может достичь каждый.

Но люди ищут свое счастье там, где его не существует. Они ищут воду в пустыне. И когда они терпят неудачу, когда они испытывают разочарование, отчаяние, они злятся на жизнь, а не на самих себя.

Что может сделать жизнь? Она в вашем распоряжении, но вы каким-то образом умудряетесь вести поиски не в том направлении. Возможно, глубоко внутри вы боитесь, что жизни может оказаться слишком много, любви может оказаться слишком много, что вы можете утонуть в существовании.

И в каком-то смысле ваш страх оправдан: чем ближе вы подходите к реальности, тем меньше вас остается. И в тот момент, когда вы сталкиваетесь с реальностью лицом к лицу, вас не будет совсем.

Я много раз говорил, что никто не видел Бога: ни Моисей, ни Иисус, ни Кришна. И естественно, люди понимали меня неправильно. Всякий раз, когда я говорил, что никто не видел Бога, я не имел в виду, что Бога нет, я просто говорил, что в тот момент, когда вы подходите к Богу достаточно близко, чтобы увидеть его, вы исчезаете. Кто будет видеть Бога? А до тех пор, пока вы здесь, пока вы видите, чувствуете, говорите, спрашиваете, исследуете, – Бога нет.

Бог – это другое название реальности. Это не личность, это только качество, аромат, сладость, музыка.

Однажды наступит день, когда ты окажешься в состоянии «аллилуйя», но не сможешь произнести ни слова, потому что это переживание не описать никакими словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.